

**ВАСИЛИЙ
ВЕДЕНЕЕВ**

СТРОСЮЖЕТ

Владимир Серафимович закурил и откинулся на спинку кресла. Что-то шло не так, давно испытанный прием сегодня не сработал и шеф не взорвался. Почему? — Парни Бориса Матвеевича, которыми командовал Иншутин, погнались за чужим "Шевроле". Тот перекинул или сделал вид, что перекинул материалы, и им пришлось разделить. "Шевроле" загнали в Ясенево, шофера убили, машина перевернулась, и находившийся в ней чужой слухач погиб. Наши взяли технику, оружие и документы и успели исчезнуть до появления ментов. Но кассет с записями не нашли.

Глаз ведьмы

Остросюжет

Василий Веденеев

Глаз ведьмы

«ВЕЧЕ»

2011

УДК 821-311.3
ББК 84(2)

Веденеев В. В.

Глаз ведьмы / В. В. Веденеев — «ВЕЧЕ», 2011 — (Остросюжет)

Середина «мутных» 1990-х. Небывалый разгул преступности захлестнул города и веси России, не обошел и столицу. Начальник «убойного» отдела Сергей Серов по прозвищу Волкодав разыскивает хозяина торговой фирмы «Дана» Льва Зайденберга как единственного свидетеля крупной аферы с антиквариатом. Однако поисками залегшего «на дно» бизнесмена занимается не только милиция, поскольку Зайденберг располагает информацией о преступной деятельности некоторых членов Государственной думы и их связях с мафиозными кланами Востока...

УДК 821-311.3
ББК 84(2)

© Веденеев В. В., 2011
© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Василий Веденеев

Глаз ведьмы

© Веденеев В. В., наследники, 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

* * *

Мы остаемся в недоумении, кому лучше доверить охранение свободы, не зная, кто вреднее для республики, те ли, кто желает приобрести то, чего не имеет, или те, кто хочет удержать за собой уже приобретенные преимущества...

Никколо Макиавелли

Глава 1

– Будешь?

Фомич открыл стоявшую около его ног сумку и вынул из нее обклеенную яркими красно-белыми этикетками фляжку «Смирновской». Одним движением толстых пальцев скрутил жестяной колпачок и щелчком отправил его в густые заросли крапивы.

Над старым Калитниковским кладбищем – городом мертвых, раскинувшимся позади знаменитой «Птички», или Птичьего рынка, где торговали всякой живностью и еще неизвестно чем, – висело знойное марево. Высоко в небе стояло яростно-белое палящее солнце. Парило. Легкий ветерок, налетавший со стороны завода «Клейтук», доносил противный запах гниющих костей.

Серов отрицательно мотнул головой: пить водку по такой духоте? Сейчас лучше бы холодненького кваску.

– Помянуть надо! – Фомич достал граненый стопарик и свежий огурец. Налил, одним махом опрокинул спиртное в рот и сочно захрустел огурцом. – У меня тут мать и бабка лежат.

Сергей посмотрел на табличку, прибитую к покосившемуся кресту: кажется, там написано не то Плющев, не то Плюшкин, а настоящая фамилия Фомича – Власов, и зовут его Анатолий Александрович. За его плечами пара ходок в зону по серьезным статьям, которые позволили ему приобрести некоторый авторитет в криминальном мире, а заодно скрестили жизненные пути-дорожки Власова и подполковника милиции Серова. В результате этой встречи Анатолий Александрович оказался на распутье и должен был решить: вновь отправиться в зону или стать агентом Сергея. Он выбрал последнее и начал работать под псевдонимом «Фомич». И вот сейчас они сидели рядышком на прокаленной солнцем лавочке около могильного холмика, насыпанного над Плющевым или Плюшкиным.

– Именно тут? – Серов недоверчиво усмехнулся: с Анатолием Ляксанычем надо ухо держать востро: тертый калач! Никогда не знаешь точно, что у него на уме. Но информацию поставляет исправно и пока ни разу не прокололся, а это крайне важно в неблагодарном и опасном стукаческом деле.

– Зачем тут? – Фомич выпил второй стопарик и закурил сигарету, блаженно затягиваясь ароматным дымком. – К ним я один схожу поклониться, когда мы распрощаемся. Еще не хватало их дух тревожить нашими разговорами. А тут ведь тожа человек лежит и, может, даже не один: говорят, в тридцать седьмом твои коллеги тут много зарыли пострелянных.

– Это не мои коллеги, – холодно заметил Сергей.

– Да ладно, – отмахнулся Власов и налил себе еще. – Все одно, помянуть надо усопших. Ведь есть же кто-то, кого помянуть некому? А я вот помяну, и душа его возрадуется.

– О душе начал задумываться?

– Пора уж, за полтинник перевалило, самое оно и о душе подумать. Особенно если тебя язва так и точит изнутри, что ты, как последняя сука, за тридцать сребреников ментам братву сдаешь.

Фомич выпил водку из стопаря, потом жадно влил в себя оставшееся во фляжке и закинул ее в крапиву. Вокруг было совершенно безлюдно и тихо, только ветерок шелестел в кронах высоких тополей и берез.

«Интересно, у него действительно временами возникает “комплекс Иуды” или это просто очередной выверт, некая психологическая подготовка перед тем, как начать выторговывать нечто для себя?» – подумал Серов.

Да, ему удалось заставить «стучать» этого крупного, сильного человека с тяжелыми руками и мощной шеей борца, но влезть к нему в душу оказалось значительно труднее. Впрочем, любая чужая душа – потемки.

– Ладно, будет, – в тон агенту откликнулся Сергей и угостил Власова сигаретой. – Не разводи лишней философии и не занимайся самоедством. Ты же прекрасно знаешь: братва меня мало интересуется, пока кого-нибудь не кокнут.

– Ага, знаю, ты у нас, Сергей Иванович, мужчина серьезный, – лукаво прищурился Фомич. – Только не забывай, что времена пошли другие: теперь, как ты выражаешься, «кокают» частенько в таких сферах, куда обормотам вроде меня ходу нет и никогда не будет! Рылом не вышел и на «мерсах» не ездию. Небось хочешь спросить, кто замочил Кашпура, очередного «нефтяного короля»? Угадал?

– Угадал. Меня действительно очень интересуют исполнители, а еще больше – заказчики.

– Вот так вот, да?

Власов сдул пепел с кончика сигареты, изображая мучительные раздумья, хотя на самом деле давным-давно тщательно продумал, как получше продать те скудные сведения о нашедшем убийстве главы процветающей нефтяной фирмы, которые ему удалось выудить из разговоров с знакомыми уголовниками. К сожалению, те тоже знали не так много, больше можно было почерпнуть из заметок в желтой прессе, как обычно, усиленно смаковавшей подробности, тщательно скрывая это за сухостью стиля и кажущейся «беспристрастностью». Очевидно одно – работала какая-то команда из новых, считающих себя специалистами: они изрешетили из автоматов «линкольн» Кашпура и джип его охранников. С такими «специалистами» любят иметь дело нувориши, как теперь все чаще называют новых русских, но истинный профессионал – поэт убийства – узнав, как все сделано, только презрительно поморщится: дешевка!

Однако Сереге – так про себя Фомич именовал подполковника – нужны конкретные имена тех, кто нажимал на спусковой крючок, и тех, кто отслюнил бабки за тяжкий труд переправы нефтяного короля в мир иной. И как раз этого Анатолий Александрович не знал! Но признаться в этом прямо было ниже его достоинства.

– В нашем темном мире, – желчно усмехнулся он, – болтают, будто бригада на разборки подписалась не здешняя, а из-за Уральских гор, оттуда, где самые нефтяные места. Сам понимаешь, машинки для делания дырок теперь не проблема: можно привезти с собой или купить на месте, были бы баксы в достатке. Колеса тоже ерунда: сегодня угнали тачку, завтра бросили.

– Где-то же они здесь дохли?!¹ – Серов немедленно вклинился в образовавшуюся паузу. – Если работали приезжие, то местные должны были им достать стволы в колеса, помочь разработать надежный маршрут отхода после акции. Имена давай, кликухи, адреса!

Он давил на Фомича, поскольку почувствовал в нем слабинку и сразу понял – тот финтит и пытается «гнать тюлю». Вот только по какой причине: оттого, что пустой, как бубен, и ничегошеньки не знает, или оттого, что боится давать информацию, которая потом может выйти ему боком? И выпитая им водка здесь совсем ни при чем, для Толика фляжка «смирновки», как свану дробина.

– Много хочешь сразу знать, – буркнул Власов. – А насчет заказчиков я скажу: к тебе они значительно ближе, чем ко мне! Понял? Хотя в тот тесный круг тебя тоже не пустят! Не вышел в Кашпуры.

Он облегченно засмеялся и пожалел, что не взял еще водчонки: сейчас бы в самый раз глотнуть еще, а потом додавить бутылек на могилке родных, снимая нервное напряжение, возникшее после встречи с дотошным опером. Дернула же нелегкая связаться с ним, а как и когда теперь развяжешься? Или судьба сама вьет веревочку и конец непременно будет? Вот только какой? Чего теперь толку зазря корить себя, если в тот момент готов был душу дьяволу продать, не то что этому менту, лишь бы шкуру уберечь и остаться на свободе.

– Хорошо, давай на время оставим покойного нефтяника, – сухо предложил Серов. Он уже догадался, что на любопытные новости сегодня рассчитывать нечего. С другой стороны,

¹ Дохнул (блатной жаргон) – жить, ночевать.

после убийства прошло не так много времени и еще не все потеряно, а кроме Фомича есть и другие осведомители, готовые вывернуться наизнанку. – Но чтобы в следующий раз ты принес что-нибудь определенное, а не просто сплетни и слухи.

– Нормально, командир! Договорились. Я тоже не люблю гнать лошадей, а нарываться со своей любознательностью нет резона.

«Логично, – мысленно согласился Сергей. – Начни он сейчас вытягивать из дружков имена и адреса явок, как тут же по падет под подозрение. Иногда действительно лучше выждать. Но все-таки что-то темнит Фомич, ох темнит. Стоит ли его просить о Леве? Или попросить, но втемную, полностью не раскрывая карт?»

Он достал из бумажника фотографию и показал ее осведомителю:

– Никогда не встречал этого человека? Кстати, у него при помощи блефаропластики может быть несколько изменена внешность.

– Что еще за черт?

– Косметическая хирургия, как у стареющих красоток, когда они убирают одутловатость век, мешки под глазами или делают подтяжки кожи лица.

– Понятно. – Фомич заинтересованно разглядывал фото. Он был искренне рад сменить тему разговора: всегда любопытно, когда опер сам сообщает нечто новенькое, а не вытягивает из него клешами сведения. – Кого же этот кент, как вы любите выражаться, кокнул?

– Это хозяин фирмы «Дана» Лев Зайденберг, но сейчас он может проживать под чужим именем. Я хочу знать, где он.

– Ага, клиент ваших смежников? – возвращая фото, предположил Власов. – Как раз потомков тех, которые тут...

– Не важно, чей клиент, – оборвал его Серов, он нутром чуял, Зайденберг не ушел за кордон, а просто притаился и пережидает, пока улягутся страсти. – Есть сведения, что он в городе. Поинтересуйся, но, кроме меня, никому ничего!

– Будь спокоен! – заверил Фомич. – Сделаем все в лучшем виде, но вырыть его я тебе не обещаю: судя по роже, не наш человек.

«Точно подметил, – подумал Сергей. – Да, не вашего поля ягодка Лева, далеко не вашего. Только не поле там, дорогой Анатолий Ляксаныч, а дремучие заросли, в которых канул на дно морское отец моей бывшей любовницы – Лариски Рыжовой. Причем канул не где-нибудь, а у берегов знойного Марокко. Но об этих дебрях, где произрастают подобные ягодки и через которые проходит ведущая на Запад «крысиная тропа», помогающая сбежать людишкам с большими наворованными деньгами, тебе никогда ничего не расскажу: не твоего ума это дело, дружок! Там пахнет свежей кровью и новенькими баксами, а расстаться с жизнью там плевое мероприятие – не успеешь оглянуться, чтобы посмотреть, кто тебя сзади тронул за плечо, как уже выясняется: это безноса с косой! А ты, если сможешь, узнай хоть что-нибудь о Леве. И на том тебе будет великое спасибо».

– Поищем. Живой не без места, мертвый не без могилки, – мрачновато пошутил Власов. Он украдкой поглядел на часы и несмело предложил: – Может, разойдемся, а, Сергей Иванович? Уж больно воняет тут тухлятиной.

– Сам местечко выбрал, – поднимаясь с лавки, язвительно ответил Серов. Расставаться действительно пора, больше тут ничего не высидишь. – Нефтяник за тобой! Если ничего из ряда вон выходящего не случится, через две недельки увидимся. А так, звони!

– Всего доброго!

Напоминание о Кашпуре, пристукнутом приезжей бригадой, явно не доставило Фомичу удовольствия. Он быстренько подхватил сумку и вдоль ограды направился в глубь кладбища, а Сергей выбрался на узкую аллею, покрытую растрескавшимся, оплывшим от жары асфальтом, и медленно пошел к церкви – как раз напротив нее центральные ворота, а за ними дорога, выводящая к Птичьему рынку и Нижегородской улице с оживленным движением.

За кладбищенской отрадой в гранитной мастерской тюкали молотки каменотесов, выбивая на черном Лабрадоре и красном граните, кому сколько было отпущено жития на этом свете. На звоннице храма ударил колокол, и Серов подумал, что для каждой эпохи характерна своя музыка: в прошедшие века – колокольный звон, мазурки, сентиментальные вальсы, в период революции зазвучали жестокие и трагические песни, похожие на само время, при тоталитаризме любили бравурные марши и псевдонародные мелодии, а сейчас все заполонила разухабистая музыка – дикий симбиоз кабацкой и уголовной субкультур, слившихся воедино. И еще тупой рок. Они везде – на эстраде, радио, телевидении. Как робко прорывается сквозь эту какофонию истинно русский колокольный звон, стремясь пробудить душу...

У ворот кладбища Сергей увидел лаково блестящую черными боками новенькую «Волгу» с знакомыми номерами, а около нее заместителя начальника Управления Александра Трофимовича Мякишева. Сворачивать было уже поздно: тот заметил Серова и помахал рукой – то ли приветствуя, то ли подзывая к себе. Характер Трофимыча слишком хорошо известен, поэтому Серов решил не испытывать судьбу. Что поделать, подозрительные дураки, постоянно пекущиеся о карьере и вечно озабоченные тем, как прикрыть задницу, всегда и всем доставляли немало хлопот.

– Здравствуйте, Александр Трофимович.

– Привет, Сергей Иванович, привет! Ты чего тут?

– Встреча с нужным человеком.

– Ну-ну, – понимающе кивнул Мякишев. – А я было подумал, что у тебя здесь кто-то похоронен. Кстати, ты исполняешь обязанности начальника отдела, а почему не на машине?

– Конспирацию соблюдаю, – заговорщически понизил голос Сергей, не желая объяснять, что отдал машину ребятам для более важного дела.

– Правильно, – одобрил Трофимыч и великодушно предложил: – Могу до Управления подбросить. Или будешь продолжать соблюдать конспирацию?

Серов улыбнулся.

– Что ж, не откажусь.

– Садись, – Мякишев распахнул дверцу в душный, прокуренный салон. – Только потом сразу пришли машину обратно. Теща, понимаешь, у меня тут лежит, – начал зачем-то оправдываться он, – жена решила памятник поставить, ну вот я...

– Через тридцать минут верну машину.

– Доставь до главка и возвращайся, – приказал водителю Трофимыч и вразвалочку направился в тень.

Проводив глазами развернувшуюся машину, он достал из кармана сигареты и решил, что по возвращении на службу надо непременно проверить, с кем из осведомителей встречался сегодня здесь Серов. Особой нужды, конечно, в этом нет, но жизнь – штука, изобилующая разными неожиданностями, и никогда заранее нельзя предугадать, что тебе до зарезу понадобится в следующий момент. Поэтому лучше везде заранее соломки подстелить...

Лева отпил из высокого стакана водки, сильно разбавленной свежим лимонным соком, и брезгливо поморщился: какая же все-таки гадость, просто с души воротит, но «обойтись без спиртного он теперь уже не мог. Раньше, бывало, тоже не отказывался пропустить рюмашку-другую, особенно в теплой компании, однако это не то, нет, далеко не то! По-настоящему он начал пить, когда все вдруг покатилося в тартарары. Может быть, он во многом сам виноват в случившемся? Сначала неимоверно долго тянул с отъездом за границу, собирался с духом, потом ждал и надеялся, что удастся уломать-уговорить строптивую Элку Ларионову – красавицу блондинку, по которой он сох, словно юный гимназист. Лева готов был целовать ее следы и стирать грязное белье, спать, как собака, на подстилке у ее дверей, лишь бы она стала его, навсегда его! А эта гордячка не только отвергла Левины ухаживания, но еще и выставила посмешищем всесильного Зайденберга – кто тогда в мире шоу-бизнеса мог противостоять ему?

Уж никак не безвестная певичка Ларионова! Однако она заставила его с позором отступить, вытерла об него нож и пошла дальше. Как говорят, к какому-то менту. Хотя Лева и вел жизнь затворника и ни с кем не общался, но слухами земля полнится – всегда найдутся доброхоты, готовые поделиться самой свежей информацией, которую вернее назвать сплетнями.

Как бы там ни было, он потерял время, а потом события начали разворачиваться с ужасающей быстротой. Сергей Сергеевич – могущественный и загадочный человек, обещавший помочь уйти на Запад с деньгами, – неожиданно исчез, словно в воду канул. Его подручный Хафиз, повадками очень напоминавший прожженного мафиози, потянул было Зайденберга за собой, взяв его под опеку, да вдруг Хафиза убили на винном складе Жорки Ломидзе по кличке Самтрест, а вместе с Хафизом поубивали еще бог знает сколько людей, и, говорят, боевиками, взявшими штурмом склад, командовал не кто иной, как тот самый мент, с которым спуталась Элка! Не она ли и сдала всех?

Спустя некоторое время кто-то сказал Лева по секрету, что Хафиза убили не на складе, а прирезали в камере тюрьмы, и тут Зайденберга обуял жуткий страх. Он быстренько купил у одного дельца, уезжавшего в Израиль, полностью оборудованную электронными средствами защиты хату, добыл себе новые документы и пистолет, запасся спиртным, продуктами и засел в новой квартире, как в осажденном кровожадными индейцами форте, хотя Леву никто и не думал беспокоить. Но надо ли беспокоить кому-то извне, когда внутри сидел, не давая ни секунды покоя, мерзкий страх? Чтобы заглушить его, Лева и начал пить. Сначала лишь по вечерам, чтоб расслабиться и заснуть, потом все больше и чаще, а теперь постоянно.

Лева поболтал спиртное в стакане, прислушиваясь, как тонко звенят, ударяясь о стенки, не успевшие растаять льдинки. Сделал еще глоток и почувствовал, что постепенно начинает возвращаться к жизни – кровь быстрее побежала по жилам, в желудке появилось приятное ощущение тепла, а будущность перестала казаться столь мрачной. Мы еще повоюем!..

В глубине сознания шевельнулась мысль, что он уже на грани, что он опускается все ниже и, самое главное, все быстрее, что такая тонкая вещь, как интеллект, особенно интеллект делового человека, не сумеет долго противостоять постоянному натиску зеленого змия и лопнет, как мыльный пузырь, что... Но Зайденберг отогнал от себя эти мысли и выцедил стакан до дна.

Взгляд упал на телефонный аппарат, и Лева снял трубку – а не позвонить ли Элке Ларионовой? Где эта сучка пропадает целыми днями, почему у нее никто не отвечает? В конце концов стоило бы хорошенько припугнуть ее и попробовать получить ответы на некоторые вопросы.

Пальцы быстро пробежали по кнопкам набора, и в наушнике потянулись длинные гудки. Опять ее нет! Черт бы побрал эту девку, из-за которой он застрял здесь, в этом проклятом городе, ужасной стране, где никогда не можешь быть уверенным в завтрашнем дне. Неужели не наступит тот час, когда он выберется отсюда и наконец сможет рассчитаться с Элкой за все?

Лева зло швырнул трубку, пошел в спальню и прямо в халате и шлепанцах плюхнулся на кровать рядом с Лолой. Она подвинулась, давая ему место, одеяло сползло, открыв ее круглое плечо и большую упругую грудь с темным соском, – Зайденберг настаивал, чтобы подруга всегда спала голой. Ему очень нравились ее соблазнительные формы, и он желал иметь возможность в любой момент ощутить все их прелести. В конце концов он платит ей за это!

– Перестань, мне больно! – не открывая глаз, процедила Лола, когда он начал жадно тискать ее груди, сжимая их, как теннисный мячик. – И сходи в ванную.

– Потом в ванную, потом, – пробормотал Лева, торопливо скидывая халат и дрыгая ногами, чтобы сбросить шлепанцы. Освободившись от одежды, он нырнул под одеяло и прижался к жаркому телу Лолы, ощущая, как нарастает в нем подогретое водкой безудержное желание. Тем более, в его объятиях сейчас такая мастерица на всякие штучки, что просто дух захватывает.

Лола, по-прежнему не открывая глаз, провела кончиком языка по его губам. Ее рука ласково погладила Леву по груди, потом скользнула ниже, и Зайденберг застонал от блаженства, предчувствуя, каким упоительным будет продолжение...

Встретились они недели две назад. Лола неожиданно под села к его столику в валютном ресторане, куда он решил заскочить поужинать. Увидев ее, Лева сначала несколько растерялся: они были знакомы и даже близки некоторое время, но потом он увлекся другой женщиной – мало ли их в шоу-бизнесе, готовых на все, только пообещай раскрутить, выпустить на эстраду, снять клип и тому подобное, – а Лолка нашла себе очередного мужика, способного оплачивать ее расходы. По большому счету, она была дорогой проституткой, и Зайденберг никогда не обольщался в отношении нее, но тело у Лолы просто роскошное, лицо – как с обложки журнала, и она умела дарить мужикам незабываемое наслаждение. Однако сейчас Лева не хотел видеть никого из старых знакомых.

– Привет, Левка! – как ни в чем не бывало поздоровалась Лола, закидывая ногу на ногу так, чтобы было видно круглое колено, обтянутое тонким чулком.

– Вы ошиблись, – не моргнув глазом холодно заявил Зайденберг, продолжая заниматься омаром. – Меня зовут Игорь, и мы никогда не встречались.

– Да? – Лола налила себе шампанского из стоявшей перед ним бутылки и игриво рассмеялась. – Перестань Левка! Думаешь, если подтянул себе морду, так тебя никто не узнает?

Это было очень неприятно услышать, поскольку хирург, занимавшийся лицом Зайденберга, содрал с него кучу денег за конфиденциальность операции и твердо заверил, что приложенные им минимальные усилия дадут максимальный результат. Особенно если Лев Маркович сбросит усы. Лева так и сделал, а вот Лолка его узнала! Значит, хирург наврал, подлец?!

Что делать? Продолжать настаивать, что ты это совсем не ты, и тем самым создать глупейшую ситуацию, позволив потом этой дуре болтать на каждом перекрестке, что Зайденберг сделал подтяжку лица и заодно сошел с ума? Но не убивать же ее в самом деле? Мало ли кто еще тебя узнает – не заниматься же серийными убийствами!.. Нет, это не выход. Наверное, лучше все обратить в шутку.

– Молодец, Лолка, узнала-таки. Хотел было тебя разыграть, да не вышло, – подливая ей шампанского, сказал Зайденберг. – Телятинки хочешь? Грозилась, что с настоящими трюфелями.

– Я сейчас свободна и одинока, – Лола многозначительно посмотрела на него сквозь бокал и как бы ненароком слегка наклонилась над столом, давая ему возможность заглянуть в глубокий вырез платья. У нее всегда была очень красивая, большая грудь, и Лева не устоял перед искушением.

Он предложил закончить ужин и отправиться к нему в гости. О том, что он живет как в осажденном форте, сейчас забылось.

– Чего это ты на такой колымаге? – увидев его «жигули», удивилась Лола.

– Так надо, – буркнул Зайденберг. – Решил проявить патриотизм и поддержать отечественную автопромышленность.

Она уселась рядом и пощекотала его за ухом, отчего у Левы возникло желание решить все секс-вопросы прямо сейчас, в салоне «жигулей», а не тянуть телку на хату, но привычка к комфорту взяла свое. Зато ночь была восхитительна, и, как ни странно, Лола прижилась у Левы.

Впрочем, утром она собралась уходить, но он сам, в припадке небывалой щедрости и благодушия, предложил ей остаться. Пока, на некоторое время.

– Тогда мне надо стонять домой, взять кое-что, – не раздумывая согласилась она.

– Зачем? Поедем и купим все новое.

Они действительно поехали, и Лолка выставила его на фантастическую сумму, а покупки едва уместились в багажнике и салоне, заняв все заднее сиденье. Однако расстроиться Лева

не успел – Лола просто не оставила на это времени: лишь только они вошли в квартиру, она завлекла его в постель и выжала, как лимон. Он даже не пил несколько дней, поскольку почти не вылезал из-под одеяла, а Лолка кормила его, как лежачего больного, подавая все на подносе.

Итак, она осталась, а он не раз задумывался: к добру это или к несчастью? Каждый день он давал себе слово выгнать ее, но потом ругал себя за мягкотелость и тянулся к бутылке, а проклятая Лолка сосала и сосала его, как пиявка, высасывая силы, деньги...

– Все, все, – он лег на спину, крестом раскинув руки. – Хватит!

– Ну, полежи, отдохни, а я приготовлю обед.

Она встала, накинула халат и отправилась в ванную. Он слышал, как зашумела вода, потом стало тихо и хлопнула дверца холодильника на кухне. Удивительно, но факт – Лолка умела очень прилично готовить. И вообще кому-то могла бы достаться дивная жена, не ступи она на скользкую дорожку. Да как было удержаться, если небось годам к пятнадцати так созрела, что уже мочи не осталось терпеть?

Обедали на кухне – салаты, мясо, зелень и холодная водочка. Без нее Лева давно за стол не садился и даже по квартире частенько бродил с бутылкой и стаканом в руках. А побродить есть где: как-никак сто пятьдесят метров.

– Слушай, почему мы все время сидим, как сычи, взаперти? – спросила Лола, заметив, как после второго стакана у Левки масляно заблестели глаза и на лбу выступила легкая испарина. Она уже научилась четко подмечать все стадии опьянения своего сожителя: сейчас Левка не взорвется на ее вопрос.

– Потому, – заплетающимся языком ответил он и напустил на себя загадочность.

– Потому, что теперь ты называешь себя Игорем?

– Может быть, – кивнул он. – А зачем тебе это знать?

– Встряхнуть тебя хочу, – она ласково взъерошила ему волосы и провела ладонью по щеке. – Развеять, развлечь, а ты словно чего-то боишься.

– Ну да! – Лева налил себе еще и залпом выпил. Не притронувшись к закуске, закурил и откинулся на спинку стула. – Забоишься тут.

– Рэкет теперь не в моде, – хихикнула Лола. – Или утянул много, а налогов не заплатил?

– Ну, ты это! – он пьяно погрозил ей пальцем. – Не заговаривайся.

И вдруг в душе возникло желание поделиться наболевшим хоть с кем-нибудь, даже с проституткой, скрасившей его затворничество.

– Уехать хотел, – мрачно сказал Зайденберг. – За границу. Но не вышло, не получилось ничего. Обещали мне помочь, да...

Он махнул рукой и снова выпил. Она слушала его, по-бабьи подперев щеку ладонью, и участливо спросила:

– Обманули?

– Поубивали их всех, – свистящим шепотом сообщил Левка. – Понимаешь?! Всех! А я не хочу, чтобы и меня пришили.

– Ой, какой ужас! – пискнула Лола, но он быстро зажал ей рот.

– Молчи, дура!

Едва он убрал руку, она тут же спросила:

– А как же теперь? И кто поубивал-то?

– Какая разница, кто? А дальше будет видно, пока пересидим. Живи со мной, озолочу!

В одурманенном алкоголем мозгу щелкнул недремлющий предохранитель, и Зайденберг захохотал, поняв, что слишком распустил язык, и пытаясь сделать вид, что шутит.

– Давай за все хорошее, – Лола налила водки в стаканы. – За тебя, милый ты мой!..

Очухался Зайденберг только на следующий день: голова гудела, во рту пересохло, тело не желало повиноваться. Заметив заботливо приготовленную на тумбочке большую банку пива, Лева открыл ее и жадно присосался. Кошмар, сколько же времени?

В спальню заглянула Лола – уже с макияжем, одетая на выход и с сумкой.

– Продрал зенки?

– Ты куда? – с трудом оторвавшись от банки, прохрипел Лева.

– По делам и в магазины.

– У нас полны холодильники, – он заставил себя приподняться и сел. – Чего я вчера наболтал? Кажется, нес всякую ересь?

– Да, ересь? – она уперлась кулачком в крутое бедро и выставила вперед стройную ножку. – Нажрался как свинья еще засветло, даже трахнуть не мог, не то, чтобы языком ворочать! А я тут возилась, как дура, собирая твою блевотину! Гони пятьсот баксов.

– С чего это?

– Мне к косметичке надо заглянуть и гинекологу показаться. Я все-таки женщина, или ты забыл со своей пьянкой? Совсем свихнулся! Давай деньги! Еще надо бы туфли посмотреть.

– Мы же купили три пары, – мотая головой, простонал Лева.

– Жара на улице, босоножки хочу. Так что с тебя еще триста.

Зайденберг поставил пиво на тумбочку, встал, прошаркал к встроенному шкафу, открыл его и достал из кармана пиджака бумажник. Вынул деньги и бросил их на смятое одеяло. Одно разорение с этой Лолкой, баксы текут, как вода между пальцами, но ведь вечером, когда полегчает, опять захочешь любовных утех. Кто тогда тебя приголубит? Искать новую шлюху – так неизвестно еще, на какую стерву нарвешься.

– Я возьму твою машину. А ты похмелись и приведи себя в порядок, герой-любовник. Завтрак на кухне.

– Э-э, не трогай ключи от тачки, а то потом ищи тебя вместе с ней.

– Жлоб! – обозлилась Лола и запустила в Зайденберга ключами. – Кому нужен твой «роллс-ройс»? Дай тогда на такси, я не намерена париться в метро и давиться в автобусах.

– Я и так достаточно дал.

– Чтобы к вечеру был как огурчик!

Она простучала каблучками и хлопнула входной дверью. Кряхтя и вздыхая, Лева притащился в кабинет и, прихлебывая пиво, посмотрел на экране спрятанного в шкафу монитора, как Лола, призывно раскачивая роскошными бедрами, идет через двор, – установленная на балконе скрытая телекамера показала ему все.

В том, что Лола вернется, Зайденберг не сомневался. И в том, что ему рано или поздно все-таки придется ее убить, – тоже. Выстрелить ей в затылок не проблема, но вот куда потом девать тело?..

Лола зло пнула сейфовую дверь квартиры, и она захлопнулась, лязгнув замком, как голодный волк зубами. Замковый камень гробницы фараонов, да и только. Вернее, вход в сокровищницу, охраняемую хитрой электроникой и одурманенным алкоголем Левкой Зайденбергом.

«Козел! – спускаясь по лестнице, ругалась Лола. – Надо было вчера у него под залитые глаза бабки тянуть, а не сегодня, когда он невменяем с похмелюги. Лишних сто баксов ему жалко, идиоту! Ну, я тебе за это устрою небо в алмазах».

Дом был сталинской постройки, лестничные пролеты длинные, и пока она спускалась с пятого этажа, успела немного выпустить пар. На улице, после кондиционированной прохлады квартиры с вечно задернутыми плотными шторами, создававшими полумрак, женщину охватила душная жара, и она еще раз недобрым словом помянула Левкину жадность.

Миновав двор, где под присмотром бабушек копошились в песочнице карапузы, Лола вышла на набережную и быстро поймала левака, согласившегося подбросить ее в район Сре-тенки, где располагался медицинский центр «Женское здоровье». Кстати, кто-то, может быть, и считал ее полной дурой, у которой если и есть что, так только сексапильная внешность, но

сама Лола придерживалась иного мнения. Зная, как подозрителен и недоверчив Зайденберг, она предприняла некоторые меры безопасности. Один из телефонных аппаратов в квартире Левки был с определителем номеров, и в его памяти осталось несколько звонков по номеру медцентра: Лола записывалась на прием к косметичке и гинекологу, причем именно на сегодняшний день. И ехала сейчас именно туда – пусть проверяет и следит, кто хочет.

Доллары, полученные от Левы, она решила отложить и расплатилась с водителем рублями, не удостоив его даже взглядом в ответ на заигрывания и просьбы оставить телефончик: кавалеры на задрипанных «москвичонках» ей не требовались. Поднявшись по ступенькам, Лола вошла в вестибюль и вздохнула с облегчением, почувствовав желанную прохладу. Вежливо поздоровалась с регистраторшей, попросила:

– Будьте добры, карточку Лукиной к гинекологу Химичевой. У меня абонемент на обслуживание по контракту.

– Нина Ивановна? – приветливо улыбнулась регистратор. – Пройдите в пятнадцатый кабинет, доктор ждет вас.

С гинекологом, которую Лола называла просто Галкой, все без затей. Получив в презент французские духи, Галка быстренько, но внимательно осмотрела пациентку и, стягивая резиновые перчатки, улыбнулась:

– Можешь пока ни о чем не волноваться, однако уже стоит себя и побережь.

– Что ты имеешь в виду?

– Избегай излишних нагрузок перед критическими днями.

– А в это время как раз больше всего хочется, – засмеялась Лола и попросила: – Отправь карточку к косметологам.

Там она не стала выяснять, какая из кабинок свободна, а сразу шепнула врачу-консультанту, что ей крайне нужно повидаться с Борисом Матвеевичем. Консультант молча взяла ее карточку, провела Лолу в конец зала и открыла перед ней дверь кабинета:

– Проходите, вас примут.

Лола поправила прическу перед большим зеркалом на стене и присела у стола. Буквально через секунду открылась дверь, ведущая в смежное помещение, и появился высокий, приятной наружности мужчина средних лет, с пышной шевелюрой, в которой уже пробивалась седина.

– Иван Дмитриевич, – представился он, взяв со стола карточку Лолы. – А вы Лукина Нина Ивановна?

– Да, но я...

– Борис Матвеевич чрезвычайно занят, – мягко прервал ее мужчина. – Поэтому сегодня вашим исповедником поручено быть мне. На всякий случай ложитесь на кушеточку.

Он тщательно вымыл руки и, как хирург держа их на весу, подошел к Лоле, привычно разлегшейся на кушетке. Она испытывала некоторое напряжение, поскольку не любила доверять незнакомым людям более чем интимные вещи. К тому же с Борисом Матвеевичем уже обсуждался один важный вопрос, а вот можно ли затрагивать эту тему с Иваном Дмитриевичем? Или благоразумнее не касаться ее вообще?

Иван Дмитриевич нагнулся и включил небольшой черный прибор, установленный под кушеткой, а потом запер дверь.

– Чтобы нас не беспокоили и не подслушивали. Рассказывайте, рассказывайте. Что новенького удалось узнать? Борис Матвеевич очень ценит вашу работу.

«Еще бы, – подумала Лола. – Кто ему еще столько на хвосте принесет?»

– Живем, как в осажденной крепости, – сказала она. – Дверь сейфовая, бронированная, с целой системой автоматических замков, а за ней вторая, из дуба со стальной пластиной внутри. Телеглазок, камеры просматривают лестничную площадку, двор, автостоянку и все выводят на монитор, который спрятан в шкафу, в кабинете. Там же видак, только какой-то странный: пишет картинки с камер целыми месяцами.

– Да, теперь есть такая техника, – согласно кивнул Иван Дмитриевич.

В принципе то, что она рассказывала, уже известно. Они знали даже больше, чем Нинка Лукина, выбравшая для встреч с мужчинами экзотическое имя Лола. Борис Матвеевич не привык зря терять время, и люди Ивана Дмитриевича давно отыскивали специалиста, который проектировал техническую защиту квартиры дельца, умотавшего в Израиль. Ему дали денег и слегка нажали на психику, а взамен получили нужные сведения. Так всплыла на свет божий схемка, на основе которой блокировали жилище. Неприятным сюрпризом оказалось то, что в нем был предусмотрен импортный аккумулятор, способный поддерживать энергообеспечение квартиры в течение трех суток. Это означало: обесточивание интересующего Бориса объекта не даст никаких результатов, а лишь насторожит «гарнизон».

Добавить еще специальные стекла и вечно задернутые шторы на окнах, замаскированные минителекамеры с трансфокаторами, постоянную запись передаваемого ими изображения с указанием даты и времени, а также сложенные на совесть стены сталинской постройки и бронированные двери квартиры, которые в пору выворачивать танком, так станет совсем кисло. Хорошо, удалось внедрить в этот бункер осведомителя – Лолу.

Не стоит ее обижать, баба делает свое дело, старается, поэтому пусть говорит, а замаскированный в изголовье кушетки микрофончик старательно гонит каждое ее словечко в соседнюю комнату, где неслышно крутятся бобины диктофона. Вот если бы еще влезть в ее голову и записать мысли!

– Деньги удалось обнаружить? В квартире должен быть тайник.

– Все обшарила, – усмехнулась Лола. – Когда он напьется, то ничего не чувствует, но пьяный-то пьяный, а дверь блокирует кодом и не открыть ни изнутри, ни снаружи. Он вообще этот код почти не снимает.

– Так что с деньгами? – напомнил Иван Дмитриевич.

– Не нашла пока ни тайника, ни денег. Есть какие-то чемоданы из металла, но вскрыть их трудно, да и не умею я. Борис Матвеевич обещал специалиста, но как его в квартиру запустить? Левка вообще сильно напуган и осторожничают. Тут, кстати, по пьянке раскололся, что хотел за границу полинять, да некий Сергей Сергеевич исчез в самый ответственный момент, потом его подручного Хафима или Хафиза на винном складе пристрелили, кажется, на Самтресте. И все звонит кому-то, а ему никто не отвечает.

– Номерок удалось узнать?

– Да, я запомнила, хотя он постоянно убирает его из памяти телефона.

– Как же вы с продуктами? – участливо спросил Иван Дмитриевич.

– Экономка приносит раза два в неделю. Он заранее ждет ее звонка и составляет список, потом диктует и сидит у монитора: проверяет, одна ли она подъехала. Заставляет ее убрать всю квартиру и договаривается, когда она вновь позвонит, точно назначая день и время.

– Готовит тоже она?

– Бывает, но чаще я. Но вы не думайте ему чего подсыпать! – сразу поняла намек Лола. Сдохнет, чего доброго, Левка, Борис Матвеевич и Иван Дмитриевич быстренько смоются, а менты всех собак на нее повесят? Нет уж! – Нет, – решительно повторила она вслух. – Не выйдет ничего. Я же говорила про блокировку двери, Лева ее практически не снимает.

– Хорошо, – Иван Дмитриевич был невозмутим и терпелив. – Выходит же он из дома? Ведь вы встретились в ресторане, а потом ездили вместе за покупками.

– Это когда трезвый. Да и то, прежде чем собраться, вызывает охрану. Приятель или знакомый у него есть в охранной фирме, так он присылает телохранителей. И Левка требует, чтобы всегда одних и тех же, которых он знает по именам и в лицо. Иначе ни за что не откроет.

– А если кто-то придет с вами?

– Не пустит! Боится он, как вы не понимаете? Боится, чтобы и его не убили, как того Хамида или Хафиза. Дела там, похоже, крупные вертелись.

– Понятно, – протянул Иван Дмитриевич. – Ну а насчет денег все-таки как?

Лола иронически хмыкнула про себя: что он ее за полную дуру держит? Да если бы она сумела узнать, где проклятый Левка прячет баксы, и смогла запустить в его закрома лапу, только бы ее здесь и видели! Про деньги Зайденберга ходили самые фантастические слухи, но если они оправдаются хотя бы на десять процентов, этого хватит с лихвой, чтобы не задумываясь бросить тут все и полинять куда подальше, пока не схлынет мутная волна. А травить Левку? Что она, совсем плохая?

– О деньгах знаю одно: они есть! – убежденно сказала Лола. – Но пока не знаю – где.

– Мне нравится ваша уверенность, – улыбнулся Иван Дмитриевич. – И все сделанное по нашей просьбе будет оценено по достоинству.

Эх, если бы обходительный Иван Дмитриевич знал, сколько разных вариантов Лола перебрала в голове бессонными ночами. Разве она себе враг, разве не для себя старалась не за страх, а за совесть, чуть ли не миллиметр за миллиметром пропахивая носом всю квартиру, пока сожигатель валялся мертвецки пьяным? Да она сама помогала ему напиться, чтобы не путался под ногами. Уж она ли не искала эти проклятые доллары? Еще как искала! Только ради них и согласилась подсесть тогда за столик к этому вонючему алкашу, надеясь сорвать заветный куш, только ради них и пошла на сотрудничество с людьми Бориса Матвеевича, хотя прекрасно понимала, что ступила на лезвие бритвы: как-то они с ней обойдутся, когда раскрутят Зайденберга?

Однажды у нее мелькнула мысль завлечь Левку в сети законного брака и потом превратиться в богатенькую вдовушку. Но убивать?... Впрочем, водка его убьет, но только как скоро? Зайденберг мужик крепкий, не старый, и здоровье у него еще хорошее. Можно промаяться с алкашкой Бог знает сколько времени, пока сама не превратишься в истеричную развалину. Зачем ей потом даже очень большие деньги? Коптить небо, вкусно жрать да покупать себе мальчишек, чтобы они мечтали о ее скорой смерти? Нет, к черту!

Но стоит ли об этом с Иваном Дмитриевичем? Вряд ли он одобрит ее помыслы, а не одоблив, немедленно донесет Бормотухе – так частенько за глаза называли Бориса Матвеевича. А тот подобные вещи никогда не оставлял без внимания. Лола догадывалась: за Борей, таким обходительным, с приятными манерами и ласковыми посулами, но обладающим безжалостной стальной хваткой, стоят еще более серьезные, не ведающие снисхождения и милосердия люди, решившие во что бы то ни стало заполучить деньги Левки. Если бы ей удалось первой найти баксы и незаметно смотаться... А так придется довольствоваться ролью тупой пешки в чужой игре и получить мизерный процентик, когда другие будут жировать.

С другой стороны, Бормотуха не прост, и где гарантии, что его подручные день и ночь не следят за квартирой Левки? Этот пьяный лопух считает себя в безопасности за бронированной дверью с телекамерами, цацкаясь с пистолетиком. Кстати, о пистолете сказать или нет? Пожалуй, надо.

– Да, – Лола сделала вид, что вспомнила важную деталь, – пистолет у него есть.

– Какой?

– Такой небольшой, черненький, заграничный.

– Вы разбираетесь в оружии? – он немного склонил голову набок. – Почему вы решили, что оружие иностранного производства? Знаете его калибр, систему, сколько к нему имеется патронов, где хранится?

– Не знаю. Один раз Левка забыл его в кармане халата, ну я и увидела. Написано не по-нашему на пистолете, а есть ли пули и какой он системы, извините!

– Все, что вы рассказываете, очень интересно, – Иван Дмитриевич помог ей встать и подал ручку и блокнот. – Черкните номерок, по которому звонит Зайденберг.

– Надоел он мне хуже горькой редьки, – пожаловалась проститутка, возвращая блокнот и ручку.

– Придется потерпеть, – тихо, но твердо приказал Иван Дмитриевич. Именно приказал, а не попросил. – Если он выйдет из квартиры один, постарайтесь остаться, а мы найдем способ связаться с вами. Всего доброго и спасибо.

Он проводил ее до дверей и выпустил в общий зал, помахал рукой и приветливо улыбнулся на прощанье. Лола бросила взгляд на часы: пожалуй, не стоило торопиться к Леве. Там хоть и золотая, но клетка, и сидит она в этой клетке лишь ради ломовых денег. Лучше отправиться по магазинам и действительно купить модные босоножки...

Проводив клиентку, Иван Дмитриевич запер дверь кабинета, выключил прибор под кушеткой и прошел в смежную комнату. Там в мягком кресле у стола курил плотный лысоватый блондин лет сорока. Перед ним стояли бутылка пепси, диктофон и полная окурков пепельница. Большую часть стены над столом занимало окно в кабинет приема, замаскированное с той стороны зеркалом.

Иван Дмитриевич молча подал блондину блокнот, и тот, увидев номер телефона, усмехнулся:

– Любовь и ненависть правят миром!

– Ты знаешь, кому он звонит?

– Да! Полагаю, он скоро выйдет из своей крепости. По крайней мере у нас есть средство заставить его сделать это.

Блондин снял трубку телефона и набрал номер. Услышав ответ, он представился:

– Это Борис Матвеевич. Помните, я рассказывал о двух подружках? Да, верно, одна сейчас на гастролях, развлекает провинциальную публику и позванивает оставшейся в столице. Немедленно сделайте запись их разговора, а после подберите девку с аналогичным тембром голоса. Срочно!.. Я понимаю, что она звонит не каждый день, но первый же звонок должен быть записан, а к вечеру готова операторша на отводе линии Зайденберга!

Он бросил трубку на рычаги и довольно потер крепкие ладони.

– Не сомневайся, ему ответят! И он выйдет, а ты станешь его ждать там, где я скажу.

– Сделаем, – Иван Дмитриевич закурил и поинтересовался: – Как тебе информация о пистолетике? Ты ведь слышал весь наш разговор?

– Естественно, – кивнул Борис Матвеевич. – Оружие, я думаю, он возьмет с собой. И оно ни в коем случае не должно пропасть или затеряться: всему свое время и место.

– Я понял.

– Вот и чудненько. А когда он выйдет и мы разыграем свою маленькую партию, наступит черед делиться по-христиански. Кажется, наша клиентка мечтает разбогатеть?

Борис Матвеевич запрокинул голову и заразительно засмеялся, промокая белоснежным платком выступившие на глазах слезы и от восторга притоптывая по полу. Не понимавший причины его бурного веселья Иван Дмитриевич лишь натянуто улыбнулся.

– Ну ладно, – внезапно оборвав смех, Бормотуха убрал платок и поднялся. – Я и так засиделся. Пока!

Алексей Григорьевич Рогозин переживал вторую молодость. Если бы кто-нибудь, сумев заглянуть в его душу, осмелился хоть намеком посмеяться над этим, Рогозин просто набил бы ему морду – беспощадно, как во времена далекой теперь юности, когда право встречаться с красивой девушкой из другого двора или района зачастую приходилось отстаивать в яростных кулачных боях, чем-то похожих на смертельные схватки гладиаторов. Хотя какие там гладиаторы? Это были бои молодых самцов из-за соблазнительных самок. И теперь вновь первопричиной физического и душевного подъема Рогозина была женщина. Прекрасная женщина, которую он боготворил, называя про себя разными ласковыми именами.

Черт с тем, что она моложе его больше чем вдвое, наплевать на возможный разрыв с семьей, на готовый разразиться громкий скандал, если об их отношениях пронюхают прониры-

ливые журналоги. Блаженство души и тела, которое она дарила, стоили еще не таких жертв, а невыразимое счастье ощущать себя вновь двадцатилетним заставляло на все махнуть рукой и жадно, захлебываясь, пить эликсир молодости, приготовленный для него драгоценной Полюшкой.

Но, как ни крути, а с возрастом приходит мудрость, и, когда тебе уже за пятьдесят, прекрасно осознаешь: такое не может продолжаться вечно! В один ужасный день все обязательно рухнет, а ты сам можешь не уцелеть под обломками собственного счастья. И станешь гнаться за призраком ускользнувшей мечты, которая оставит в душе горький осадок несбывшихся надежд и разочарований.

Нет, лучше не задумываться ни о чем, тем более, никогда не отдадут его на растерзание щелкоперам, пока Сам благоволит. По этой же причине и жена даже не пикнет, дабы сразу не потерять слишком многого. А что до гнилых слухов, то они теперь циркулируют по городам и весям с завидным постоянством, и никто не застрахован от того, что завтра о нем не пустят какую-нибудь скабрезную сплетню.

Гори огнем все сплетни и чужие мнения – у Рогозина своя колоколенка, и с нее виднее. А как все выглядит с чужой, Рогозина не волновало.

Кстати, счастье с Полюшкой ему подарила дружба с Леонидом Сирмайсом – очень энергичным и деловым человеком, сумевшим сколотить огромное состояние и практически подмять под себя некоторые отрасли сырьевой промышленности. Свел их референт Сирмайса Володька Антипов, с которым Рогозин когда-то учился. На дружеской встрече однокашников Володька – теперь уже солидный и успевший изрядно поседеть Владимир Серафимович – сделал Лешке, превратившемуся в Алексея Григорьевича, ряд заманчивых конфиденциальных предложений. Рогозин подумал и ответил согласием.

Спустя несколько дней состоялась встреча с самим Леонидом Сергеевичем Сирмайсом, обставленная как в детективных романах: чтобы никто, нигде и ничего! Леониду было около шестидесяти, но его активности и напористости мог бы позавидовать любой ухватистый тридцатилетний делец. Рослый, широкоплечий, коротко стриженный, неподражаемо элегантный, вежливый и умный Сирмайс, обладавший к тому же тонким чувством юмора, умел располагать к себе, и Рогозин довольно быстро достиг с ним соглашения. Ударили по рукам, отметили успех переговоров шампанским, и тут Леонид познакомил его с Полиной.

Это было как удар грома, как внезапная материализация прекрасного, но несбыточного сна-сказки, как забившаяся в твоих руках нежданно-негаданно пойманная жар-птица. Леонид Сергеевич говорил о том, что Полюшка дальняя родственница, но Рогозин так и не понял чья: самого Сирмайса или Володьки, да, в общем, и не очень стремился понять, поскольку почти не слушал. Зато понял другое – они с Полиной будут встречаться, регулярно и наедине, в специально снятой для этих целей квартире. Леонид не желал, чтобы его партнерство с Рогозиным стало достоянием гласности.

И встречи начались. Алексей Григорьевич лез из кожи вон, стараясь очаровать связную, и вскоре они стали близки, а встречи перестали носить чисто деловой характер и значительно участились. Володька Антипов однажды даже намекнул приятелю насчет седины в бороде, но Рогозин только весело послал его к черту.

Узнав об этом, Сирмайс лишь тонко усмехнулся и пригладил тяжелой ладонью густо поседевшие волосы.

– Присматривай, но не мешай, – хриловатым баском велел он референту. – Пусть Борис посуетится. Любовь чувство светлое, но как доподлинно узнать, кто вложил стрелу в руки Амура: Бог или дьявол?

Прикурив, Леонид Сергеевич окутался густым облаком ароматного табачного дыма, а Владимир Серафимович понял: указания даны и дальнейшего продолжения разговора не последует. Но коли случится прокол, непременно спросят!

Бориса Матвеевича Шлыкова учить – только портить; в течение суток квартиру, где ворковали голубки, до отказа напичкали разной электроникой, а Полине выдали маленькое устройство с кнопкой срочного вызова телохранителей, и отныне ее повсюду сопровождала машина с вооруженными секьюрити, владевшими еще и всякими премудростями боевых искусств. Неугомонный и недоверчивый Шлыков пускал за «объектом» – как он привычно именовал Полину Викторовну Горелову, осуществлявшую связь с Rogozinым путем личного контакта, – группы наружного наблюдения. Так, на всякий случай, чтобы проверить, не тянутся ли за ней по городу чужие топтуны. Пока, тьфу-тьфу, Бог миловал, но за множеством других важных дел, занимавших его лысоватую голову, Борис Матвеевич никогда не выпускал из виду «сладкую парочку». Он тоже прекрасно знал – случись прокол, непременно спросят! Этот чистюля Антипов всегда лишь с бумажками возится, а Шлыкову приходится в дерьме копаться. Золотари, они всем нужны, без них как без рук, зато и первая палка обычно достается им же, как сводникам или доносчикам.

Утро воскресенья Rogozin провел на правительственной даче в ближнем Подмоскowie. Ему твердо пообещали дать сегодня отдохнуть, поэтому он позволил себе спать сколько влезет и провалялся в постели почти до одиннадцати. Потом сделал зарядку и принял холодный душ – на улице пекло, и когда спадет проклятая жара – неизвестно. После завтрака он предупредил жену, что вряд ли будет обедать дома, поскольку у него важное деловое свидание в городе.

Если она догадывалась или даже знала, какого рода это свидание, то не подала виду, только напомнила, что вечером они непременно должны быть в театре.

– Да, я помню, – кивнул Алексей Григорьевич. – Ты поезжай одна, а я прибуду прямо к началу. Там и встретимся.

– Хорошо, – согласилась она.

Он чмокнул ее в щеку и удивился, что не испытывает при этом ни отвращения, ни угрызений совести. Впрочем, отчего вдруг он должен их испытывать? Пусть его Марина не так молода, как несравненная Полюшка, но прекрасно сохранилась, и он никогда не пренебрегал выполнением супружеского долга.

Поговорив еще несколько минут о каких-то сущих пустяках, Rogozin незаметно исчез с веранды, тихо радуясь, как все удачно складывалось: у взрослых детей своя жизнь, а внуков пока Бог не дал и висеть на шее некому. Жена сейчас полистает журнальчики, потом обед, потом надо переговорить с прислугой о завтрашнем меню, а там пора и собираться в театр – когда женщине перевалило за сорок, для того чтобы отлично выглядеть, требуются определенные затраты времени. А Rogozin между тем получает вольную на несколько часов.

Еще раз сполоснувшись под душем, Алексей Григорьевич переоделся в легкий темный костюм и белую рубашку, повязал модный галстук, сунул в карманы сигареты, зажигалку, бумажник с деньгами и документами, взял ключи от машины и уже собрался выходить, как спохватился, что забыл успевший порядком надоесть пульт срочного вызова охраны – в этом кругу надлежало подчиняться некоторым правилам. Найдя пульт, он спустился в гараж, вывел свой «сааб» за ворота и медленно поехал по широкой аллее к контрольному пункту, за которым начиналась короткая автострада, выходящая на шоссе к столице.

Уже миновав контрольный пункт, Rogozin бросил взгляд в зеркало и недовольно поморщился: сзади, четко выдерживая дистанцию, висела на хвосте «Волга» дежурной пятерки его «ангелов-хранителей». А он, наивный, мечтал сегодня оторваться от них. Хотя зачем понапрасну злиться на людей: они этим кормятся. Их обязанность охранять его от любых нападений, и если подопечный вдруг исчезнет в неизвестном направлении или с ним что-нибудь случится, «ангелы-хранители» лишатся куска хлеба.

Проехав километров пять, Алексей Григорьевич свернул к обочине, остановился, вышел из машины и помахал рукой, подзывая охранника. «Волга» незамедлительно повторила его маневр, и через минуту к Rogozinu подбежал крепкий мужчина в светлом костюме.

– Добрый день, – уважительно поздоровался он, вытирая потный лоб скомканным платком, и Rogozin искренне пожалел уже немолодого служаку, вынужденного париться в пиджаке, чтобы не пугать народ видом того, что под ним спрятано. А ведь они с охранником, наверное, ровесники?

– У меня деловое свидание в городе, – мягко улыбнулся Алексей Григорьевич. – Вы пока можете отдохнуть. Встретимся в шесть у кафе «Паланга». Договорились? Я вас прошу, не нужно за мной таскаться.

– Никак нельзя, – сокрушенно вздохнул старший охраны, – вы же помощник Президента! Нам головы потом поснимают. Кстати, простите великодушно, Алексей Григорьевич. Свиданье у вас на Воробьевке, в бывшем цековском доме?

– Да, – скрывая возникшее раздражение, буркнул Rogozin. Выследили, малюточки скуратовы, засекли! Впрочем, не стоит заводить: он же сам недавно думал, что это их хлеб. Главное, чтобы молчали как рыбы. Отвязаться от «ангелов-хранителей» все равно не удастся, так не лучше ли заключить с ними соглашение, чтобы и волки были сыты и овцы целы?

– Ага, значит, адресочек прежний? – облегченно улыбнулся охранник. – Вы не переживайте, Алексей Григорьевич. Мы в отчете его не покажем, он у нас под кодом идет, все чисто. Зачем нам вас подводить?

«Ну да, зачем ссориться с хозяином? – подумал Rogozin. – А поменяется подопечный, так и вас вышибут где-нибудь на морозе торчать, чтоб в следующий раз неповадно было чего не следует писать в отчетах и совать нос в чужие постели».

– Ладно, вы, я вижу, ребята с понятием, – он взял охранника под руку и на несколько шагов отвел от машины: черт их маму знает, может, в тачке какая аппаратура всажена, а он болтает. – Договоримся?

– Какой вопрос, Алексей Григорьевич? В самом лучшем виде провожаем вас на Воробьевку и встаем у соседнего дома. Машинку свою можете рядом под нашим присмотром оставить: оттуда до подъезда по прямой полсотни метров будет. Потом едем в театр. Только единственная просьбочка.

– Что такое?

– Пультик не забудьте с собой прихватить. Так, на всякий случай.

– Хорошо.

Rogozin пожал его потную ладонь – волнуется небось? – сел в «сааб» и потнал в город.

На Воробьевке «Волга» охраны вдруг резко обошла его и встала на углу дома, соседствовавшего с тем, который ему был нужен. Алексей Григорьевич догадался: они показывают, где припарковать машину. Закрыв ее и даже не поглядев в сторону охраны, он направился к подъезду, гадая, приехала уже Полюшка или нет. Обычно она ставила свой светлый «жигуленок» неподалеку от подъезда, и коли его нет, значит, Rogozin примчался первым.

Поднявшись на лифте на пятый этаж, Rogozin своим ключом отпер стальную дверь и вошел в душную прихожую. Да, конечно, она еще не приехала, иначе открыла бы окно или балконную дверь – здесь же нечем дышать. Скинув пиджак, он прошел в комнату и настежь распахнул балкон, но предусмотрительно задернул занавески...

К приходу Полины Алексей Григорьевич успел приготовить коктейли и скинул с себя всю одежду, дрожа от нетерпения, подогреваемого воображением, – перед каждой встречей с любовницей он волновался, словно робкий первокурсник, осмелившийся пригласить на вечеринку первую красавицу факультета. Сердце начинало биться учащенно, голова казалась пустой и гулкой, а всем его существом овладевало лишь одно желание: поскорее войти в нее

и оставаться там как можно дольше – столько, сколько позволят его силы, усердно поддерживаемые дорогими импортными препаратами.

В прихожей щелкнул замок. Рогозин бросился туда, не говоря ни слова, обнял Полину и приник к ее губам, слившись с ней в долгом поцелуе. Она потихоньку скинула туфли и поставила босую ступню на его голое бедро. Рогозин задрожал от возбуждения, ощупью нашел ее маленькие пальцы и, ласково поглаживая их, начал упоительное путешествие по ее божественной ножке все выше и выше, к самому сокровенному...

Охранники помощника Президента тоже с нетерпением ожидали прибытия любовницы шефа, однако совершенно по иной причине: им не хотелось париться в машине и маяться в тупом ожидании. Когда движешься следом за объектом, все веселее.

Впрочем, люди они были опытные и времени зря не теряли. Один быстро проверил подъезд, а другой обошел дом и осмотрел стоянку автомобилей. Вернувшись, он сообщил старшему:

– Нормалек. Единственно, появилась новая тачка: «шевроле» марки «Блейзер» с кузовом «универсал». Стекла тонированы, водилы на месте нет.

– Цвет? – старший достал радиотелефон.

– Жемчужно-зеленый. Хочешь узнать, кому принадлежит тачка?

– Не суетись, – поддержал его другой. – Здесь нищим квартиры не давали.

– А чего делать? – беззлобно огрызнулся старший. – В домино будем играть?

– О, мадам прибыла, – прервал их водитель.

Пять пар глаз проследили, как неподалеку припарковался светлый «жигуленок» и из него вышла стройная молодая женщина с рыжевато-золотистыми волосами. Когда она скрылась в подъезде, старший пятерки бросил взгляд на часы и привычно отметил в блокнотике время. Теперь их подопечные помилуются пару часиков и разойдутся до следующего раза. Конечно, с такой женщиной можно побыть и подольше, но Рогозин уже не юноша да и работа его выматывает, а вечером нужно в театр – расписание шефа охрана знала назубок.

– Вот и коллеги, – объявил охранник, ходивший проверять подъезд.

Следом за светлыми «жигулями» подкатила серая «вольво» и приткнулась в тенечке. Распахнулись задние дверцы, и на расплавленный асфальт почти одновременно ступили двое мужчин в легких брюках и рубашках с короткими рукавами. У каждого висела на запястье сумочка-визитка.

– Коммерческие люди, – с оттенком зависти заметил старший пятерки. – Ни тебе пиджака, ни галстука, а пушки небось в визитках таскают. А то носят сумки-кенгуру.

– Сейчас отправятся по нашим стопам, – с ехидцей хмыкнул водитель. – Смотри, один в подъезд поперся, а другой к стоянке. Все точно!

– Разуй глаза, – лениво оборвал его другой охранник. – Вон тот, в бежевых брюках, Ванька Ступак из соседнего отделения. Ну тот, что в прошлом году в отставку вышел. Естественно, они будут делать то же, что и мы.

– Выучка и школа – великая вещь, – набирая номер, сказал старший. – Алло, я шестнадцатый. Проверь, чей «шевроле» марки «Блейзер» жемчужно-зеленого цвета...

Насчет школы и выучки старший пятерки оказался прав, но вот возможностей и свободы действий у охраны Полины было не в пример больше, чем у их государственных коллег. Не говоря уже об оплате нелегкого труда. Зато и риск возрастал неизмеримо.

Пока напарник проверял подъезд, Ступак неспешно, с видом разморенного жарой человека, прошелся вдоль стоянки. Жемчужно-зеленый «шевроле», похожий на большой мощный джип, с тонированными стеклами салона и кузовом «универсал» тоже привлек его внимание – раньше здесь такой машины они не видели. Конечно, сейчас новой машиной трудно кого-то удивить, и «шевроле» вполне может принадлежать кому-нибудь из жильцов дома, но не мешало это проверить.

«Подойти спросить у ребят? – мелькнула у Ивана мысль. – Они наверняка эту тачанку тоже засекли и уже прокололи номера».

Он, когда еще только подъезжал, издали приметил знакомую «Волгу» и понял: бывшие сослуживцы довели своего шефа до любовного гнездышка. Однако стоит ли в открытую подходить к ним, рискуя попасть на глаза еще кому-нибудь? За бывшими сослуживцами могут присматривать другие сослуживцы или противники, так же, как за ним и его коллегами. И у каждого есть свой объект охраны, за который они отвечают головой: нужно по выходе из квартиры принять его и без происшествий доставить до места. А поболтать и пропустить стаканчик с приятелями можно и в нерабочее время.

И все-таки жемчужно-зеленый «шевроле» Ступаку не понравился – выработанное долгими годами службы внутреннее чутье подсказывало: тут не все чисто! Однако Иван привык опираться на факты, а не на чувства. Он невозмутимо прошел мимо заинтересовавшей его машины и направился к киоску с мороженым. Купил несколько порций – надо же порадовать и томящихся по жаре приятелей – и, наслаждаясь шоколадным пломбиром, медленно побрел обратно. Как раз около «шевроле» случилась маленькая неприятность: вафельный рожок раскрошился, и мороженое шлепнулось на раскаленный асфальт, забрызгав щегольские брюки Ивана. Он чертыхнулся и принялся оттирать пятна носовым платком...

– Что здесь понадобилось этому идиоту? – разглядывая Ступака через зеркальное тонированное стекло, свистящим шепотом спросил один из сидевших в «шевроле» мужчин.

– Что? – второй, колдовавший у приборов и диктофона, подсоединенного к направленному микрофону в форме параболической тарелки, немного сдвинул наушник. – Что ты сказал?

Первый молча показал ему на вытиравшего брюки Ивана.

– Не нервничай, – техник успокаивающе похлопал приятеля по колену. – Он все равно нас не видит и не слышит. Перед ним только пустая запертая машина, и все.

– Он из охраны этой бабы!

– Перестань паниковать! У них нет такой техники, чтобы нас обнаружить. Этот старый ловелас как на заказ открыл балкон, просто удивительная удача, первый раз за долгое время. Квартирку со всех сторон прикрыли, не подкопаться, а сейчас пиши не хочу. Надо использовать момент. Да не пялься ты на него, говорят, такие псы чужой взгляд на расстоянии чувят!

Напарник с трудом отвел взгляд от Ступака и облегченно передохнул, когда тот поплелся дальше.

– Убери руку с пушки! – прошипел техник. Привыкли палить, обормоты, по любому поводу и без повода. А тут дело тонкое. Чем бы его отвлечь? – Хочешь послушать, как они там?

Он показал глазами вверх, куда была направлена тарелка микрофона: на открытую балконную дверь явочной квартиры.

– Слышно? – осклабился напарник.

Техник молча протянул ему наушники, и тот прижал их к уху, но, к своему разочарованию, услышал лишь какие-то шорохи, всхлипы, непонятные шумы и скрип.

– Чего это?

– Делом заняты, – усмехнулся техник. – Фигурально выражаясь, пьют любовный напиток.

– Пусть пьют, – вернув наушники, напарник откинулся на спинку сиденья и закурил. – Надеюсь, они встречаются не только за этим?..

Иван уселся на заднее сиденье «вольво», раздал приятелям брикеты мороженого – охранников Полины было четверо – и хмуро сообщил:

– Надо проверять «шевроле». Мне он очень не нравится.

– Потому, что не твой? – съязвил сидевший рядом с водителем старший.

– Не поэтому, – на такие дешевые подначки Ступак не реагировал. – Водилы нет, а кондишен пашет всюю. Значит, кто-то сидит в салоне?

– Мог забыть отключить, – старший уже не зубоскалил. Тугие складки на его толстой загорелой шее начали багроветь, что служило верным признаком волнения.

– Мог, – равнодушно согласился Иван. – Но у меня создалось впечатление, что из салона на меня смотрели.

Водитель и второй охранник молчали, ожидая, как отреагирует старший.

– Ну, такая информация из области парапсихологии, – хмыкнул старший, но тем не менее вытянул из кармана трубку телефона мобильной связи и пробежал пальцами по клавишам. – Привет! У меня вопрос: кому принадлежит «шевроле-блейзер» жемчужно-зеленого цвета, номерной знак....

Ступак закурил, водитель и второй охранник как заводные лизали мороженое. Старший поступил проще: он несколько раз откусил от рожка, словно от огурца, а хвостик вафельного фунтика выбросил за окно.

– Да? Старуха, говоришь? Из Чертанова? – старший обернулся и многозначительно посмотрел на Ивана, а тот показал ему на открытую балконную дверь квартиры, где находились их объект и объект «смежников». Старший понимающе кивнул и зачастил в микрофон: – Срочно пригони ко мне группу и технаря! Нет, я не могу распыляться, на мне объект, понял? Давай срочно! Даже две группы, чтобы не промахнуться. Ничего, им тоже не вредно проветриться. Да, пусть к дому не подлетают, аки скаженные, я на Воробьевке человека выставлю.

Закончив разговор, он сложил трубку и промокнул платком взмокший лоб. Ситуация грозила повлечь неприятности, а этого не любит никто. Разве что зрители приключенческих фильмов. Но тут не кино, и запросто можно схлопотать очередь из «стечкина» или «узи», если вдруг надумаешь заглянуть в салон проклятого «шевроле». Или взорвется к чертовой матери! Если он напичкан техникой, она может быть заминирована и управляться на расстоянии. Кто-то далеко нажмет кнопку – и ты фук на небеса!

– Что? – спросил Ступак, примяв в пепельнице окурок.

– Шас будут, – буркнул старший. – Береженого, говорят, Бог бережет. Иди, Витек, встречай. Да предупреди, пусть поосторожнее, а то не ровен час...

Техник из «шевроле», не снимая наушников, отдышал, полуприкрыв глаза и посасывая сигарету. Гудел кондиционер, гнал в салон живительную прохладу. Напарник настороженно поглядывал по сторонам, напрягаясь при приближении любого прохожего.

«Первый раз, что ли, отправили с техникой?» – подумал оператор и открыл глаза – в наушниках зазвучали голоса:

– Главное – мудрость: приобретай мудрость, и всем умением твоим приобретай разум. Высоко цени ее, и она возвысит тебя; она прославит тебя, если ты прилепишься к ней; возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец, – нараспев читала женщина.

«Что это? – замечались мысли оператора. – Шифр, код? Или они молятся? А может, извращенцы? Посходили там с ума на почве секса или перепились по жаре? Мать их совсем, чего они городят?»

– Слушаю и повинуюсь, прекрасная жрица, – ответил мужчина и, изменив тон, проговорил: – Кстати, скажи Володе, пусть передаст Леониду: я практически все решил.

– Хорошо, – ответила женщина, и опять раздалась всхлипы и чмоканье, пока мужчина не воскликнул:

– Нам пора!..

Старший охраны Рогозина наблюдал, как к «смежникам» подтянулось подкрепление. Чего они задумали? Может, на всякий случай встретить Лексея Григорича у квартиры и проводить до машины? Но не обозлится ли шеф?

Время бежало, тонкая красная секундная стрелочка вертелась по циферблату, и для того чтобы принять единственно верное в сложившейся ситуации решение, гарантирующее защиту

объекта и собственной задницы, оставалось лишь вдохнуть и отдать команду. Потом будет поздно! А вступать в несанкционированный контакт со «смежниками» старший опасался.

– Ты и ты, – обернувшись, он ткнул пальцем в сторону двух подчиненных. – К подъезду! Прикрываете шефа со стороны стоянки, а мы встречаем здесь. Проводам до машины и сразу по коням! Выполнять, быстро!

– Похоже, они с «шевролетом» завелись, – имея в виду «смежников», процедил водитель.

«Похоже, – мысленно согласился старший. – Только какая теперь разница, если объект с секунды на секунду появится на крыльце? Балкончик уже закрыли, значит, выходят».

И он взмолился всем богам, чтобы сегодняшний день закончился нормально...

Подмога прикатила на двух темных «фордах». Витек встретил их на Воробьевке, за несколько кварталов от предстоящего места действия. В первой машине сидели пятеро крепких суровых мужиков, они уже приготовились стрелять, ломать руки, челюсти и переносицы. Единственное, что их удерживало на месте, так это отсутствие приказа и противника. Во втором «форде» кроме шофера оказалось всего двое – на заднем сиденье устроился интеллигентного вида мужчина в очках, с дипломатом на коленях, а рядом с водителем сидел молодой вихрастый парень в джинсах и футболке.

– Вы по технике? – обратился к очкастому Витек.

– Мне поручено оценить ситуацию и при необходимости руководить проведением операции, – по-военному четко ответил тот и передал дипломат выскочившему из машины вихрастому парню. – Проверь, что там. Мухой!

Парень принял кейс.

– Пошли, – он потянул Витьку во двор. – Быстренько, скоренько! Какие тут проблемы?

– Подозрительный «шевроле». Вроде в нем никого, а кондишен пашет, и одному из наших показалось, что из салона на него смотрят.

Витек полагал, что вихрастый технарь примет это как шутку, но ошибся.

– Стекла тонированные? – сразу насторожился специалист и, услышав утвердительный ответ, слегка помрачнел. – А между передними сиденьями и салоном есть перегородка? Да? Посмотрим, посмотрим... Ты держись в стороночке, а я пролезу поближе к этому монстру.

– Не тяни, – попросил Витек. – Скоро наши подопечные вывалятся, а тут такое дело.

– Пока еще никаких дел, – отмахнулся технарь. Надел темные очки, скрывавшие половину лица, и скорым шагом направился к стоянке.

Вернулся он на удивление быстро. На бегу кивнул Витьку и кинулся к «форду», в котором ждал очкастый. Витек уселся на заднее сиденье рядом со специалистом, и тот без предисловий выпалил:

– В «шевроле» работает электронная система!

– Там еще кондиционер, – напомнил очкастый.

– Нет, Иван Дмитриевич, – усмехнулся молодой человек. – У них спектр излучений разный. Там подслушивающая техника функционирует. Кстати, госхран тоже чего-то заподозрил и уже выставил двоих ближе к подъезду. Наверное, встречать свой объект и прикрыть его на всякий случай?

Иншутин снял очки и поморщился, как от надоедливой зубной боли: только этого им с Борисом не хватало! Все шло тихо-мирно, а тут на тебе. Хотя на что можно было рассчитывать, когда противники давно искали возможность получить на Рогозина компру. И еще, а ну как засевшим в «шевроле» – черт бы их совсем побрал! – дано задание не только компру получить, но и на славу угостить свинцом? Кстати, их могут даже не поставить в известность, а просто нажмут кнопку дистанционного управления – и полетит все в тартарары. Но ты, Ванечка, рискуй своей задницей, рискуй! Тебе за это бабки платят.

– Будем брать! – вздохнул Иван Дмитриевич. – Охрана прикроет объекты, а мы пешим порядком подтягиваемся и атакуем, едва подопечные окажутся вне возможной зоны обстрела. Машины подойдут за нами. Все! Упустите – головы поотрываю!

...Как только захлопнули балконную дверь, звук сразу же пропал, словно выключили радио. Технар в «шевроле» с сожалением убрал микрофон – редко удается так хорошо настроиться – и взялся за видеокамеру.

– Шляются тут всякие, – напарник проводил глазами вихрастого парня с дипломатом в руке и опустил стекло между сиденьем водителя и салоном.

Технар подумал, что в кейсе вполне может находиться чувствительная аппаратура для обнаружения их электронной засады. Но промолчал, не желая вносить излишнюю нервозность в обстановку – и так придется вертеться волчком. Парочку надо снять на видео: камера бесстрастно зафиксирует дату и время, а если любовнички выйдут вместе, так это вообще роскошный подарок судьбы, и тогда раскошеливайтесь, хозяева, отвалите верным работникам приличную премию.

– Заводи, – проверив камеру, буркнул он напарнику. Тот уже сидел за рулем и настороженно вертел головой, словно летчик-истребитель в воздушном бою.

– Ну что еще? – не отрываясь от видеоискателя камеры, недовольно проскрипел технар.

– Нас обкладывают! Вон, гляди, как забегали. Уходим! – водитель повернул ключ в замке зажигания, но технар зло ткнул его кулаком в загривок.

– Сидеть! Нишкни, щенок! Сейчас они выйдут, вот охрана и суетится.

– Идиот! – взревел напарник. – Сейчас с нас шкуру снимут, понял?

Вот он, счастливый случай: они вышли вместе! Камера тихо застрекотала, запечатлевая на пленке пожилого мужчину и молодую женщину с золотистыми волосами, но тут «шевроле» вдруг сорвался с места, отчего технар впечатался в спинку сиденья, и помчался на бешеной скорости, утюжа широкими шинами расплавленный асфальт.

– Сдурел?! – заорал технар, но по кузову щелкнуло, словно кинули горсть мелких камушков. Из обивки заднего сиденья вырвало клоч велюра, в спинке сиденья рядом с водителем появилась дырка.

«Блейзер» круто свернул и заметался между домами, отыскивая щель, чтобы проскользнуть сквозь сеть облавы на шоссе. В том, что с ними шутить не намерены, сомнений не оставалось – преследователи не задумываясь открыли огонь на поражение. Специалист по электронике сполз на пол, прикрыл голову руками и сжался в комок.

– Гони на Профсоюзную! Около Университета они нас зажмут!

– Свяжись, попроси помощи! – водитель бешено вертел баранку и наконец вырвался на Воробьевку. В зеркале он видел, как сзади, будто привязанные, болтались две темные приземистые машины: скорее всего, мощные «форды». От них не так просто оторваться.

Как хищники, неумоимо идущие по следу подранка, «форды» стрелой неслись за «шевроле». Технар приподнялся, осторожно выглянул и, увидев их через заднее стекло, подумал: финальная сцена свидания, запечатленная им на видео, может стоять значительно дороже, чем он предполагал.

– Звони, чего ждешь! – хлестнул его окрик напарника.

Специалист по электронике опять сполз на пол, вытащил трубку телефона мобильной связи и начал торопливо тыкать пальцем в кнопки набора...

Когда Полина садилась в «жигули», на расположенной рядом с домом стоянке вдруг взревел мощный мотор, и Алексей Григорьевич недоуменно оглянулся – мимо на бешеной скорости проскочил жемчужно-зеленый «шевроле» с тонированными стеклами. Незнакомые люди торопливо расселись по двум темным «фордам» и тут же унеслись следом. Решив, что это его совершенно не касается, – тем более охрана стояла неподалеку со скучающим видом, – Рогозин на прощанье поцеловал Полину и подождал, пока она отъедет. Если бы он знал, чего сто-

или эти мгновения старшему пятерки, то, наверное, искренне пожалел бы бедного служаку, но Алексей Григорьевич ни о чем не догадывался.

За светлыми «жигулями» мягко проплыла серая иномарка, и Rogozin наконец подошел к своему «сабу», сел в него и поехал в сторону Центра.

– Слава тебе Господи! – старший пятерки хотел перекреститься, но многолетняя привычка скрывать идущие из глубины души порывы удержала от этого. – Живей за ним! А тут теперь пусть сами разбираются...

Технарю ответили после второго гудка. Грубый мужской голос, словно продолжая прерванный секунду назад разговор, спросил:

– Что у вас? Как материал?

– Материал есть, – судорожно цепляясь за сиденье, чтобы не стукнуться головой, просипел электронщик. – Нас засекли, уходим по Профсоюзной, сзади два черных «форда».

– Где вы сейчас?

– Пересекли трамвайные пути.

– Тяните их к кольцевой. С вами свяжется Семен: он на японском «диаманте». Притрется вплотную, открой окно и передай ему кассеты.

– Нет! – закричал технарь. – Нет! Мы сами уйдем, отсеки их!

Отдать материал – все равно что подписать себе смертный приговор! Пока записи и видеокассеты у тебя, есть уверенность: свои не бросят, станут вытягивать во что бы то ни стало, хотя бы ради материалов.

– Это приказ! – холодно ответили ему. – Их надо растащить в стороны, иначе вам не уйти, а отсечь сейчас некому. Жди Семена!

Электронщик застонал от бессильной ярости. Идиот, надо было послушаться напарника, как оказалось, у того звериное чувство опасности.

– Что? – не оборачиваясь, спросил водитель.

– Приказали на ходу передать материал Семену.

– Предали, падлы! Может, сдадимся этим черным?

– Покрошат, – уныло вздохнул технарь и ответил на звонок: – Да! Сема? Где ты выскочишь? Учти, эти гады почти на заднем бампере. Что, открыть окно? Хорошо.

– Я не буду тормозить, – сквозь зубы процедил напарник. – У них пушки с глушителями.

– И не надо, не тормози.

Электронщик достал из камеры кассету, бросил ее в полиэтиленовый пакет и отправил туда же кассету из диктофона. Потом лег за заднее сиденье и опустил стекло двери. В салон ворвался раскаленный ветер города, принесший запах гари и пыль. Вот сейчас, буквально через несколько сот метров, должен появиться «диамант» Семена. Может быть, и вправду удастся уйти, если преследователям волей-неволей придется разделитьсь?..

Все роли распределили заранее, поэтому, когда «шевроле» неожиданно рванул со стоянки, каждый знал, что делать. К сожалению, с первых выстрелов сразу пробить покрышки не удалось, а открывать частую стрельбу не хотелось, поэтому Иван Дмитриевич приказал начать погоню. Двух боевиков он предусмотрительно взял в свою машину. По крайней мере одно отрадно – ни мужчина, ни женщина, порученные заботам охраны, не пострадали.

«Блейзер» с тонированными стеклами на высокой скорости уходил по Профсоюзной. Движение в этот час было достаточно оживленным, и никак не удавалось приблизиться к «шевроле» вплотную. Попытка взять его в вилку двумя «фордами», между которыми постоянно поддерживалась радиосвязь, тоже не увенчалась успехом. Но и упускать хитрецов, устроивших электронную засаду у квартиры свиданий связной Сирмайса с помощником Президента, Иншутин тоже не собирался. Ему уже доложили про открытую дверь балкона, и он дал нагой охране: почему не позвонили наверх и не попросили закрыть? С другой стороны, как этим

холоуям лезть к Рогозину? Сами виноваты, не поставив в хате кондиционер! Кто же выдержит в такую жару заниматься любовью при закрытых окнах?

– Смотри, что делают, сволочи! – отвлек его от размышлений сердитый голос водителя.

«Шевроле» нагло проскочил перекресток на запрещающий сигнал светофора, ловко увернулся от грозившего ударить его в бок грузовика, и тут же к «блейзеру» начал притираться неизвестно откуда выскочивший японский «диамант». В салоне «шевроле» опустили стекло – в «диаманте» сделали то же самое. Вот скорость машин практически уравнилась, и из окна «блейзера» высунулась рука с полиэтиленовым пакетом.

«Передают материалы», – похолодел Иван Дмитриевич и закричал водителю:

– Гони, потом разберемся! – И толкнул в спину сидевшего впереди боевика: – Стреляй, не дай им уйти! Перебей этому гаду клешню!

«Форд» рванул вперед. Боевик высунулся в окно и, держа пистолет обеими руками, несколько раз выстрелил. Заднее стекло «шевроле» словно подернулось изморозью от множества мелких трещин: пули не прошли мимо. Зато «диамант» казался заговоренным. Высунувшаяся из него рука ловко перехватила пакет, и машина отвалила в сторону, шарахнувшись от «блейзера», как от чумного. И тут же, нарушая все правила, «диамант» проскочил под носом у истошно трезвонившего трамвая и свернул направо, чтобы вырваться на проспект, а там уйти либо в сторону аэропорта, либо к центру и затеряться в транспортном потоке. А «шевроле» упрямо двигал к Ясенево.

«За кем из них пойти самому? – заматались мысли Ивана Дмитриевича. – Пакет может оказаться обманкой, чтобы растащить нас в разные стороны! Но теперь, хочешь не хочешь, придется разделяться и гнаться за двумя зайцами!»

Ах, как это ужасно, когда противник неожиданно ставит тебя в пиковую ситуацию и заставляет принимать решения в доли секунды. Однако это тоже своего рода расплата за то, что ни ты, ни Бормотуха не сумели вовремя предусмотреть некоторые мелочи. Например, тот же кондиционер в квартирке для начальниковских случаев. И не предупредили заранее ни хозяев, ни их холоуев, что ни в коем случае нельзя нарушать режим безопасности. Да что уж теперь: снявши голову, по волосам не плачут!

– Второй, возьми «японца», – рявкнул в микрофон Иван Дмитриевич, и сразу стало легче: какая-никакая, а определенность.

Напарники рванули следом за «диамантом», опасно подрезав роскошный белый «мерседес». Да наплевать на него, поматерится владелец и успокоится. Теперь все внимание на «шевроле», как бы там не выкинули еще какую шутку...

Тем временем в летевшем к кольцевой «блейзере» технарь дрожащими пальцами набирал номер на мобильном телефоне. Вот пошли долгие гудки, сейчас ответит знакомый грубый мужской голос, и надо доложить, что пленки переданы, и требовать, просить, умолять о помощи – не могут же они, просто не имеют права бросить своих на произвол судьбы?! Преследователи не шутят: в пулевых пробоинах заднего стекла тонко посвистывает ветер, словно сама безноса дует в жуткую костяную свирель, собираясь чиркнуть косой и обрезать тонкую ниточку жизни.

– Как? – не оборачиваясь, прокричал напарник.

– Не отвечает, – у технаря больно сжалось сердце: их продали и предали! Гады, какие же гады!

– К кольцевой и за город! – в каком-то исступлении орал водитель, почти непрерывно сигнала и втискиваясь в малейшую щель между машинами, чтобы хотя бы на лишний метр оторваться от черного «форда», казавшегося ему похожим на катафалк.

– Лучше сворачивай в Ясенево! Слышишь?!

– Но нас обещали ждать на кольцевой!

– Черт лысый нас там ждать будет! Сворачивай!

Водитель послушно повернул, обогнал маршрутный автобус и запетлял в одинаковых до тошноты кварталах. Еще поворот. Как там «форд», не отстал? Нет. Болтается, будто они его тащат на буксире.

– Тут сейчас еще поворот будет, – частил сзади технарь. – Свернем, и сразу давай во двор, а там – в разные стороны.

Иншутин вцепился в ручку двери: сильно мотало, когда «шевроле» совершал неожиданные маневры, пытаясь оторваться. Но как только он свернул в Ясенево, Иван Дмитриевич сразу успокоился – у него появилась твердая уверенность: развязка близка.

– Стреляй! – приказал он боевику. – Не дай им уйти во дворы!

Тот опять высунулся в окно и несколько раз подряд выстрелил. Зеленый «блейзер» неуверенно вильнул и на полном ходу врезался в мачту уличного освещения. От удара «шевроле» развернуло и бросило в кювет – с этой стороны узкого шоссе домов не было. Ломая кусты и несколько раз мелькнув грязным днищем, «блейзер» замер на боку. «Форд» тут же притормозил и прижался к кромке тротуара.

– Скорее!

Иван Дмитриевич первым выскочил из машины, перебежал дорогу и кинулся к «шевроле». Сзади топали боевики, стремясь показать рвение и обогнать шефа. Из-за угла так некстати вывернул маршрутный автобус, из окон которого пассажиры глазели на разбитую машину.

– Скорее! Скорее! – Иншутин дернул дверцу со стороны водителя, открывая ее вверх, как люк.

Хватило одного взгляда, чтобы понять: все кончено. Шофер «шевроле» получил пулю в голову. Услышав слабый стон, один из боевиков рванул дверцу салона, и на Ивана Дмитриевича с залитого кровью бледного лица затравленно взглянули глаза пожилого человека, лежащего в совершенно немыслимой позе. Видно, его всего перемолотило и переломало, а потом чем-то прижало, не позволив съехать вниз.

– Где пленки? – Иншутин смотрел прямо в полные невыразимой боли глаза технаря. – Скажи! И я подарю тебе легкую смерть!

– А если?.. – прохрипел специалист по электронике.

– Тогда мы увезем тебя с собой. Ну, у нас мало времени!

– Они у Сергея Сергеевича. Если довезут.

– Забрать документы и аппаратуру, – распорядился Иван Дмитриевич. – Кончай этого и быстро в машину!

Боевик взял окровавленную голову технаря и, крепко сжав ее широкими ладонями, резко повернул. Раздался хруст. Иншутин брезгливо передернул плечами и пошел обратно к «форду». Сейчас важно не дать «диаманту» добраться до базы, иначе потом из лисьих нор Сергея Сергеевича ничего никогда не выковыряешь. А тут больше нечего ловить...

«Японец» оказался вертким и ловко проскочил в щель между двумя фурами с арбузами, поэтому водитель второго «форда» потерял его на несколько секунд, а когда вновь увидел, «диамант» успел уже оторваться на две сотни метров.

– Нажми! – приказал старший из боевиков. Расстояние начало медленно сокращаться.

Сейчас все зависело от того, куда потянет «японец»: к аэропорту, Университету или в Центр? В Центре не постреляешь, но если «диамант» пойдет в другую сторону, есть шанс достать их пулей. И старший боевик, передернув затвор автомата, положил оружие на колени. В преследуемой машине сидели двое, но они ему совершенно не нужны – его интересовали только пленки.

К немалой досаде старшего, «японец» рванул к Центру. Вот уже осталась позади площадь с памятником первому космонавту, затем промелькнул белый куб здания МВД на Житной, «Президент-отель» на Якиманке... Куда он пойдет дальше? Ага, свернул на набережную.

– Не отпускай его, Леша! Не отпускай! – крикнул водителю старший и заерзал от нетерпения, выбивая толстыми пальцами частую дробь на вороненом затворе. – Не дай смыться! Нам потом задницы надерут.

«Диамант» вывернул на Устьинский мост, погнал по Бульварному кольцу и неожиданно юркнул в тесные переулки: кривые, горбатенькие, где издревле строились так, чтобы не дать разгуляться ветру, создавая тягу при пожаре, – деревянная Москва не раз выгорала дотла.

– Держи его, Леша!

– Удержишь тут, блин! Виляет, змей!

«Японец» нырнул в длинную сквозную подворотню – проезд старинного дома, и «форду» волей-неволей пришлось резко сбросить скорость и последовать за ним, выскакивая из затененных подворотен в ярко освещенные дворы и вновь сворачивая в полумрак.

Неожиданно по переднему стеклу будто шарахнули палкой, водитель глухо охнул, и «форд» с разбегу ткнулся левым крылом в кирпичную стенку очередной подворотни. Мотор натужно взревел, всех швырнуло вперед. Грохнуло еще, и старший краем глаза успел заметить мелькнувшую впереди тень человека. Он высунул в окно ствол автомата и нажал на спуск, полосуя раскаленным свинцом пространство.

И наступила тишина. Такая, что даже зазвенело в ушах и тиканье часов на приборной панели, едва слышное, показалось буханьем молота по наковальне.

– Достал, сучара! – водитель зажал ладонью окровавленное плечо.

– Щас, Леха, щас... Погоди секундочку.

Старший боевик выскользнул из машины в сумрак подворотни. Держа автомат наготове, он сделал несколько легких шагов, и тут ударил яркий свет: кто-то из оставшихся в «форде» врубил фары.

Нападавший лежал ничком, вывалившись из ниши в стене. Очередь перерезала парня пополам, и под ним уже натекла большая лужа крови. Рядом валялся неизменный ТТ – в мире, где жили эти люди, ни один уважающий себя мужчина не обходился без подобной «игрушки». Старший быстро обыскал труп и, не обнаружив ничего интересного, вытер запачканную кровью ладонь о стену и вернулся к «форду».

Бледный водитель с перетянутым разорванной рубашкой плечом уже сидел на заднем сиденье, а его место занял один из боевиков. Старший плюхнулся рядом с ним, зло хлопнул дверцей и буркнул:

– Рули домой.

– А «японец»?

– Рули домой, говорю! Где теперь проклятого «япошку» искать? Может, он уже на другом конце города? Наверное, притормозил, падла, и высадил стрелка.

– Чего они на машине пошли? – включив мотор, хмыкнул боевик. – Нет бы на мотоцикле: раз и в дамки! Через любую щель пролезет.

– Дурак! – презрительно скривил тубы старший. – Одна очередь – и нет твоей трыкалки. А ты, Леха, потерпи, сейчас тебя чинить повезем.

Он щелкнул переключателем рации, поднес микрофон к губам. Неприятно сообщать о неудаче и потерях, но лучше уж сразу, чем тянуть резину.

– Первый, ответьте второму! Первый...

Приткнувшись у обочины, на кольцевой автодороге стоял огромный КамАЗ с кузовом, полным тяжелых металлических чушек. Водитель покуривал, положив загорелые руки на баранку, и слушал тихо мурлыкавший приемник. Было уже часов шесть вечера, но солнце никак не хотело умерить свой жар или хотя бы ненадолго спрятаться за тучку. Через приоткрытое окно в кабину влетали мухи, бились об стекло и надоедливо жужжали, пока не находили выхода на волю или не падали замертво, прибитые ленивым щелчком шофера. Жарко, маятно.

Лежащий рядом на сиденье телефон мобильной связи заурчал. Водитель взял трубку.

– Слушаю.

– Двигай домой, – раздался в наушнике грубый мужской голос. – И свободен. Машину оставишь где всегда.

– А клиент? – уточнил водитель. – Он не появился.

– И не появится. Я же сказал: ты свободен!

Услышав гудки отбоя, шофер сложил телефон и включил зажигание. Значит, отпадает необходимость дожидаться жемчужно-зеленый «шевроле» марки «Блейзер», чтобы превратить его в лепешку? Что же, тем лучше. И освободился раньше, и никаких хлопот.

Сирмайс отпил из высокого стакана холодного апельсинового сока и раздраженно фыркнул: подумать только, как все начало заворачиваться! Чужая электронная засада у конспиративной квартирки, где Рогозин встречался с Полиной?! Вполне вероятно, что засада устраивается не впервые, но прежние либо не дали результата, либо охрана их тупо проморгала. Хотя зачем грешить на верных псов? Они свое дело знают. А указывать помощнику Президента, открывать балкон или нет, им не по чину.

Но каковы подлецы его противники! Докопались все-таки, кроты вонючие! Вечно у него на пути вырастают непреодолимые преграды и кто-нибудь постоянно путается под ногами, мешая идти к заветной цели. Любят у нас делиться на «правых» и «левых», причем все искренне считают себя единственно правыми, а тех, кто не примкнул, предпочитая оставаться на нейтральной полосе, безжалостно бутузят с обеих сторон. Ну как же, «кто не с нами, тот против нас»!

А зачем ему, Сирмайсу, с теми или с другими? У него своя цель – деньги, огромные деньги, дающие власть, возможность манипулировать политиками по собственному усмотрению, формировать кабинеты министров и определять господствующую идеологию. Однако лишь стоит сделать шаг, как тут же один повиснет на плечах, другой подставит ножку, а третий – ножичек к горлу. Страшно замахиваться на широкие дела в России, но ни в какой иной стране мира больше так не размахнуться: масштабы не те, безалаберности такой нет и ничейных сокровищ, к которым только руку протяни. Запад давно все поделил и немедленно сомнет тебя сталью законов. У нас толковых законов нет, особенно охраняющих человека, и те, кто может, защищают собственные права силой – поэтому на родной стороне тебя остановят не с помощью юстиции, а сметут с лица земли свинцовым ливнем. Но жить, работать и идти к цели все равно надо!

Господи, неужели все «правые», «левые», разные «центры» и прочие идиоты никак не хотят взять в толк, что его не интересует политика, что его единственный бог – деньги? А к тому времени, когда он достигнет желанного могущества, все эти марионетки сгинут с политической арены и серьезный разговор придется вести уже совсем с другими людьми и партиями. Но как объяснить слепому, какого цвета молоко?!

– Надеюсь, все не так плохо? – осторожно спросил сидевший у стола Антипов. – Главное, у нашей «крестницы» и Алексея Григорьевича никаких осложнений.

– Пока! – мрачно бросил Сирмайс.

– О чем вы, Леонид Сергеевич? – недоуменно поднял брови помощник, хотя прекрасно понимал, что имеет в виду шеф.

Но лучше дать ему спустить пар, чтобы потом он мог действовать с холодной головой: не хватало еще, чтобы началась война! Из-за чего? Из-за того, что их людей пытались подслушать и снять на видео? Господи, да все это делают чуть ли не ежедневно! Ну, пусть не все, пусть только те, кто знает, как это нужно делать, и обладает необходимыми техническими возможностями, но ведь делают! Подумаешь, трагедия. Ничего смертельного, даже если их сняли вместе или записали болтовню в постели. Скандал в семействе Рогозина все равно не разразится: его жена достаточно умна.

– Пока без осложнений, – Сирмайс прошелся по мягкому ворсистому ковру. – Наши противники еще не нащупали, куда мы нацелились, но если нащупают, ни за что ручаться нельзя.

– В любом случае наши тайные и явные интересы надежно прикрыты деятельностью фирм, одновременно работающих по многим направлениям.

Владимир Серафимович закурил и откинулся на спинку кресла. Что-то шло не так, давно испытанный прием сегодня не сработал и шеф не взорвался. Почему? Естественно, он знает неизмеримо больше кого бы то ни было и может оценивать ситуацию несколько иначе. А достоверной информацией, которой располагает, он вряд ли захочет делиться. Что же, это его право.

– Парни Бориса Матвеевича, которыми командовал Иншутин, погнались за чужим «шевроле». Тот перекинул или сделал вид, что перекинул, материалы, и им пришлось разделиться. «Шевроле» загнали в Ясенево, шофера убили, машина перевернулась, и находившийся в ней чужой слухач погиб. Наши взяли технику, оружие и документы и успели исчезнуть до появления ментов. Но кассет с записями не нашли.

– Получается, что их успели передать?

Владимир Серафимович почувствовал, как после вопроса шефа у него неприятно засосало под ложечкой. Ради записи пустой любовной болтовни и съемки на видео выходящей из подъезда парочки так рисковать и жертвовать людьми не станут! Что же там наболтал Лешка? И ведь не спросишь, а самое главное, на чужой роток не накинешь платок. И эта зараза Полина почуяла, что держит Рогозина в руках, и начала выкидывать кренделя: с каждым днем ею все труднее манипулировать. В наше время остался единственный и самый верный способ заставить человека навсегда замолчать – пуля!

Шеф подошел к столу, поставил на него стакан с соком и глухо сказал:

– Теперь вся надежда, что вторая группа не упустит добычу.

Он снял трубку зазвонившего телефона и молча выслушал невидимого собеседника.

– Хорошо, – Леонид Сергеевич положил трубку и обернулся к сжавшемуся в ожидании дурных вестей Антипову. – Они устроили нашим парням засаду в подворотне: водитель ранен, к счастью, не тяжело, а нападавший убит. По данным Ивана Дмитриевича, пленки пошли к Сергею Сергеевичу.

– Боже! – Антипов провел кончиками пальцев по лбу, покрывшемуся мелкими капельками липкой испарины. Началось активное противодействие! Какой же он глупец, вернее, каким был глупцом, еще минуту назад предаваясь размышлениям, что все, кто только может, подслушивают и подглядывают друг за другом. Черт с ними, пусть себе лезут в замочные скважины, лишь бы только не стреляли! – Но это... – Владимир Серафимович попытался натужно улыбнуться, чтобы скрыть охватившее его волнение.

– Да, это война, – жестко закончил за него Сирмайс.

Глава 2

Жуков удобно устроился в глубоком кресле, поставил на широкий подлокотник большую пепельницу и гонял видео на автореверсе, без конца просматривая коротенькую, бессюжетную, практически лишенную звука картинку – Алексей Григорьевич Рогозин прощался у подъезда бывшего цековского дома на Воробьевском шоссе с некоей Полиной Викторовной Гореловой, числившейся сотрудницей одной из мелких фирм, через которую деловые люди отмывали деньги.

Оба, как принято выражаться в спецслужбах, «фигуранта» были хорошо известны Ивану Андреевичу. Правда, знал он их заочно, и сами они о его существовании не подозревали. Отсутствие звука при записи на видео с лихвой восполнял магнитофон: из его динамиков доносились чмокание, шорохи, скрипы. Потом Полина нараспев цитировала Книгу притчей Соломоновых, а Рогозин ей отвечал: «Слушаю и повинуюсь, прекрасная жрица!»

В этом месте Жуков неизменно настораживался, словно Алексей Григорьевич при новом прослушивании записи мог сказать нечто иное, но его голос, запечатленный на магнитной ленте, выдавал все то же самое: «Кстати, скажи Володе, пусть передаст Леониду: я практически все решил».

«Ишь ты, – язвительно усмехнулся Иван Андреевич. – Интеллектуалы! Ветхий Завет цитируют. Впрочем, сейчас много повыползло скрытых сионистов с русифицированными или переделанными на украинско-белорусский лад фамилиями. По именам они Бори и Миши, Кости и Илюши, зато по отчеству Абрамовичи и Моисеевичи. А вот их дети уже станут Константиновичами и Борисовичами, а внуки и подавно зароют тайну своего происхождения до нужных времен, пока не понадобится поднять ее, как знамя. И сколько этого народа везде поналезло, даже в правительство. Надо бы хорошенько порыться в родословной Рогозина, да жаль, времени на все не хватает».

На экране телевизора Алексей Григорьевич нежно целовал в щеку стройную женщину с золотисто-рыжими волосами. Что же, помощник Президента тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Иван Андреевич сам не отказался бы поцеловать Горелову, и не только поцеловать, но сейчас она была его врагом, хотя он не испытывал ни к ней, ни к Рогозину никакой личной неприязни.

Сквозь щелки в плотно задернутых шторах на окнах конспиративной квартиры, расположенной в старом доме на Лесной, пробивались последние лучи заката. Полный тревог, волнений и неожиданных событий летний день потихоньку клонился к ночи. Принесет ли она желанное отдохновение? Телу еще, может быть, если город немного остынет, отдав звездному небу жар раскаленных камней. А душе вряд ли, ей нужно другое. Как сказано все в том же Ветхом Завете, в Книге Екклезиаста: все труды человека для рта его, а душа его не насыщается!

Иван Андреевич грустно улыбнулся – ну вот, теперь сам туда же, – но вдруг насторожился, услышав щелчок замка входной двери и шаркающие шаги в прихожей. Без предварительного звонка по телефону и открыв дверь своим ключом сюда мог за явиться лишь один человек. Так и есть, пожаловал долгожданный: вон как приволакивает больную ногу и сердито стучит клюкой по паркету.

Жуков закурил новую сигарету, решив сделать вид, что он ничего не слышит и не видит. В последнее время нежданный гость становился все более невыносимым со своими жесткими требованиями и менторским тоном. Но умен, как бес, хитрей лисы и дальновиден – в этом ему не откажешь. Хотя и он не раз ошибался, и проколы оборачивались большой кровью.

Наверное, всему виной давняя автокатастрофа, после которой он остался калекой и вынужден был уйти со службы – не распорядись судьба подобным образом, кто знает, как высоко мог взобраться по административной лестнице этот сухопарый желчный человек? Не

имея привычки сидеть без дела и обладая широкими связями, он направил свою энергию в иное русло, ринувшись в тайный, тесно связанный с криминалом мир, где обрел немалый авторитет, однако наверняка продолжал страдать по официальному признанию заслуг: по шитым золотом звездам на погонах, лампасам, побрякушкам на груди и щелчкам адъютантских каблучков. В этом заключалась жизнь его поколения, так их воспитали и с этим они сойдут в могилу.

Гость, постукивая массивной тростью и припадая на больную ноту, вошел в комнату и молча сел в кресло. Жуков вежливо улыбнулся:

– Николай Семенович? Здравствуйте! Я и не слышал, как вы вошли. Выпьете что-нибудь?

– Не ври, – буркнул колченогий. – Теперь меня только глухой не почует... А выпить? В этой берлоге чай с лимоном есть?

Решив не обострять отношения, Иван Андреевич сделал вид, что не заметил обидного выпада.

– Сейчас организуем. «Пиквик» подойдет?

Когда Жуков вернулся из кухни с подносом, сервированным для чая, гость все так же сидел в кресле, впери в экран телевизора немигающий взгляд.

– Она ведьма! – вдруг выкрикнул он, и Жуков от неожиданности чуть не выронил поднос, подумав: не рехнулся ли часом драгоценный Николай Семенович? Впрочем, такого, как он, и нарочно с ума не свести. – Ведьма! – костлявый палец колченогого с желтыми пятнами табака показал на Полину. – Их глаз там, глаз ведьмы! Но я его выколю!

– Конечно, конечно, – немедленно согласился Иван Андреевич, разливая в чашки ароматный чай. – Это не составит особого труда. Даже при наличии охраны. Пейте чай, вот варенье и восточные сладости.

– Не составит труда, говоришь? – Николай Семенович оторвался от экрана и обернулся к Жукову. – Сегодня тоже без труда получили эти огрызки? – Он пренебрежительно ткнул палкой в сторону телевизора и брезгливо поджал тонкие губы. – Троих отдал, о машине и технике я уже молчу. А что взамен? Запечатленный поцелуй в щечку и слова, что Rogozin обо всем уже договорился?

– Все решил, – поправил Иван Андреевич.

– Не в том суть, – поморщился колченогий, прихлебывая из чашки чай. – Ну, допустим, договорился. С кем, о чем? Ты знаешь? Опять Николай Семенович должен суетиться и все вынюхивать, поднимать людей, гнать за информацией? Ты сегодня Сирмайса взбудоражил! Теперь они весь квартал обнюхают, и с электроникой ты туда даже не сунешься, а хуже всего то, что начнется война! Иного выхода теперь просто нет, а мы должны атаковать первыми, чтобы не дать им перестроиться. Сирмайс рассчитывал все сделать тихой сапой, а не вышло, но Леонид извернется и обрушится на нас. Или ты надеешься, что он не подозревает, кто ему нагадил в карман?

– Ну почему? – вяло возразил Жуков.

Ругаться и спорить совершенно не хотелось, да и толку мало доказывать, что ты не верблюд: гость давно уверовал в собственную непогрешимость. Есть ли смысл метать бисер? У него в ответ на все доводы найдется язвительное замечание и готовый рецепт, как нужно поступать. Вот только где он был раньше со своими рецептами? Хорошо махать кулаками после драки и, соорудив пренебрежительную мину, разбирать чужие ошибки.

– Вот-вот, – калека отставил чашку и закурил. – Знает он, кто ему противостоит, и воздаст каждому. Натура у него такая... Да выключи ты эти поцелуйчики и скрипы, с души воротят!

Иван Андреевич послушно выключил телевизор и магнитофон. В комнате сразу же стало тихо и сумрачно. Жуков хотел отдернуть шторы, но гость жестом остановил его:

– Не надо... Не обижайся, но с ведьмой пора поторапливаться. И думай, Иван, думай! Чтобы все по-умному. Ты меня понимаешь? А я зайду с другой стороны и попробуем оставить его без взяток.

– А Сирмайс тем временем все сожрет и купит, – хмыкнул Жуков.

Николай Семенович покосился на него и бледно улыбнулся.

– Знаешь, в оные времена, когда Грузия входила в состав СССР, один богатый чужак там вставил своей лошади золотые зубы. Шик, ни у кого нет старой кобылы с золотыми зубами! А у него есть! И что же та думаешь? Вставили, зато у лошаденки голова к земле опустилась от такой тяжести! И головы кляча больше не поднимала М-да... Так вот, если Ленка Сирмайс думает, что он мне, как той кобыле, вставит золотые зубы и тем заставит склонить голову, то он глубоко заблуждается! Меня никто не заставит склонить головы! А ты думай, все должно быть красиво и... необратимо! Все равно, война уже началась.

Он отпил чай, пристроил больную ногу на палке и блаженно закурил, наблюдая, как сизые полосы табачного дыма проплывают сквозь пробивающиеся через щели в шторах лучи заходящего солнца.

Иван Андреевич не мешал гостю предаваться размышлениям: пусть грезит, а потом отваливает восвояси. Что делать, и без него ясно, а играть на нервах умеют все: чтобы научиться, для этого не нужно заканчивать консерваторию! Жаль, нельзя прямо предложить колченогому выметаться вон – потом локти будешь кусать, поскольку с шефами так не разговаривают. Ладно, не привыкать терпеть.

– Кстати, – словно внезапно вспомнив, усмехнулся Николай Семенович. – Тут болтается этот говнюк, Лева Зайденберг, которого давно пора отправить – но уже не за границу, а на тот свет. Смотри, поймает его твой знакомец Серов, и как только заставит стучать прямой кишкой по стулу в МУРе, Левка всех сдаст!

– Он практически ничего не знает, – отмахнулся Жуков.

– Ну-ну, потешь себя надеждами, иногда помогает успокоиться, зато потом задержась, как паяц на веревках.

– Не задержась!

Иван Андреевич сказал это, а сам подумал, что если самого колченогого заставят стучать кишкой по стулу, то он первый сдаст тех, за чьи головы ему сохраняют его собственную. И не отнимут деньги. Значит, он сдаст и Жукова или прикажет немедленно ликвидировать его.

Думать действительно надо, и хорошенько думать о многом: в тех играх, в которые они играют, кроме огромных денег самым ценным призом является жизнь, причем не просто жизнь, а жизнь спокойная и обеспеченная. Вот только жаль, у Николая Семеновича пока старые козыри на руках, а у Ивана Андреевича все больше мелкота.

– Тебе твой похабный псевдонимчик «Сергей Сергеевич» еще не наскучил? – ехидно осведомился колченогий.

– Пока нет, – сухо ответил Жуков. – Я не вижу в нем ничего похабного. Обычные имя и отчество.

– Похабно то, что его знают противники и официальные спецслужбы, а также почти пол-Москвы, – проскрипел колченогий и тяжело поднялся. – Пойду я, пожалуй. Спасибо за чай. Когда прикинешь, что к чему нужно приложить, милости прошу повидаться со стариком, обсудить задумочки. Глядишь, присоветую чего. Ну, не дуйся, не дуйся, не смотри сентябрем! Подумаешь, пожурил маленько. За дело ведь?

Он коснулся плеча Ивана Андреевича кончиками пальцев и захромал в прихожую. Жуков понял: не проводить гостя нельзя, тут уже не отблещешься, как при встрече. Ох, хитер старикан, хитер. Наверняка и половины того, что хотел сказать, не высказал, придержал язык. Этому у него стоит поучиться.

Проводив колченогого, Иван Андреевич вернулся в комнату, включил вентилятор, налил себе еще чаю и вновь врубил видео- и аудиозаписи, стоявшие жизни трем людям. На экране телевизора ожили и задвигались помощник Президента и его рыжеволосая подруга. Из динамиков магнитофона донеслись неясный шепот и вздохи.

Жуков снял галстук, расстегнул рубаху и развалился в кресле, прихлебывая чай и затягиваясь сигаретой. Глаза его были прикрыты, как в дреме. Он думал, напряженно думал, и в его взбудораженном мозгу постепенно начала рождаться некая комбинация, почти мистическое действие. Поэтому Иван Андреевич не выключал телевизор и магнитофон – он хотел в любой момент видеть лица и слышать голоса тех, кому он, как блистательным актерам, отвел в своем действе ведущие роли.

Из машины Николай Семенович сделал несколько телефонных звонков, а вечером, когда город начали окутывать сумерки, вывел на прогулку спаниеля. Выйдя из дома, он сразу же направился к знакомой аллее, напряженно выискивая дальнотзорными старческими глазами фигуру сутулого усатого человека и вертевшегося рядом с ним подвижного эрдельтерьера.

Владислав Шамрай ждал его. Заложив за спину руки, медленно прохаживался под сенью старых лип. И это напоминало колченогому прогулку заключенных. Впрочем, Владислав Борисович не заключенный, а раб! Его раб, Николая Семеновича, вернее, раб денег, которые он Владику дает. И пока рука дающего не оскудеет, Владик останется рабом и даже не попытается разорвать связавшие их узы, а эти узы куда крепче самой пылкой страсти и горячей любви.

Хотя в любви Шамрая калека никогда не нуждался, как и в любви всех тех, с кем завязывал деловые отношения. Еще с давних времен он предпочитал, чтобы его не любили, а панически боялись и оставались слепо преданными, готовыми выполнить любое приказание, страшась ужасной мести. Нет, он никогда не стремился олицетворять собой вселенское зло. Напротив, старался всячески расположить и привязать к себе человека, с которым имел дело, а уже привязав и поставив в полную зависимость, начинал потихоньку внушать ему страх – этот великий движитель, с успехом доказавший свою неодолимую силу на протяжении столетий.

– Добрый вечер! – поздоровался колченогий и спустил спаниеля с поводка: пусть порезвится.

– Добрый вечер, – хмуро ответил Шамрай. – Что-нибудь случилось? Я не поехал сегодня на дачу, а дома практически и поесть нечего. В чем дело?

«И этот смотрит букой, словно я перед ним провинился, – подумал Николай Семенович. – Привыкли, сукины коты, что все за них делается, а им только баксы подавай, да побольше, чтобы виллы, престижные машинки и детки в Кембридже? А давно ли лаптем помои хлебали?! Уходит от вас страх, уходит! Придется напомнить, из чьей руки кормитесь. Но не сейчас. Сегодня ты мне для другого нужен».

– Так уж и нечего? – Николай Семенович прикурил и иронично улыбнулся. – Слава Богу, карточной системы не ввели, денег у вас куры не клюют, а в магазинах изобилие, как при обещанном большевиками Царствии Небесном на одной шестой земного шара, то бишь при коммунизме. А говорили – химера! Оказалось, стоило лишь свернуть от социализма к капитализму, как все появилось.

– Мы встретились, чтобы обсудить мои доходы? – покосился на него Владислав Борисович. – Разве вы теперь сотрудничаете с налоговой полицией?

– Наверняка в доме есть хлеб, масло, яйца, кофе, сахар, – словно не слыша его, продолжал колченогий. – Вот и еда, да какая! Кстати, нетрудно заметить, что я тоже не уехал на дачу, а торчу в пыльном и душном городе, хотя в моем возрасте...

– Вы скажете наконец в чем дело? – не выдержал Шамрай.

– Извольте, – колченогий остановился и посмотрел ему прямо в глаза, но в сгущающихся сумерках трудно было различить их выражение, а Николаю Семеновичу страстно хотелось увидеть, как в глазах Владислава метнется страх. – Сегодня убили трех наших людей. Они погибли во время проведения одной чисто технической операции.

– Убили?! – Шамрай был явно ошарашен и даже не пытался это скрыть.

«Привык в своем чиновном аппарате бумажки перекладывать? – злорадно подумал калека. – Тут тебе не совещания, визы и резолюции, тут проза добывания тех самых баксов, на которые ты жируешь!»

Как ему хотелось поднять трость и врезать ею по шее недотепы Владика. За что? А за все сразу! За то, что он моложе, за то, что здоров и не хромает, за то, что в его годы Николай Семенович даже мечтать не мог о таком богатстве, которое уже есть у Шамрая, за то, что он едет на чужом горбу в рай! И даже за то, что нельзя ему врезать по шее тростью, а потом пинать по ребрам ногами, вымещая всю скопившуюся черную ненависть!

– За что? – Владислав Борисович дрожащими пальцами вытянул из пачки сигарету и прикурил. – За что их?

– За то, что помогали нам воровать чужие деньги, – ледяным тоном произнес Николай Семенович. – Помогали украсть у населения, или, как еще можно выразиться, перераспределить национальный доход в свою пользу. Убили за то, что твои дети поедут в Кембридж или Итон.

– Да перестаньте вы об этом! – почти плаксиво попросил Шамрай. Сердце у него нехорошо щемило, в затылке возникла ломящая боль, и хотелось скорее узнать только одно: чем это грозит ему лично?

– Надо срочно решить кое-какие вопросы, – колченогий взял его под руку и увлек в глубь аллеи. – Ты знаешь Рогозина?

– Помощника Президента?

– Да, Алексея Григорьевича.

– Ну, постольку поскольку. В общем я...

– Меня не интересуют твои «в общем», – жестко отрезал калека, безошибочно почувствовавший, что Владик вновь надежно взнуздан и оседлан. Страх, что ни говори, великая штука! Конечно, трусы всегда предатели, но приходится выбирать, а вся жизнь – это выбор вариантов. – И совершенно не интересуют всякие скабрзные сплетни про Рогозина. Мне нужно точно знать, с кем из деловых людей он встречался в последние месяцы. Расписание его встреч, ясно? Официальных и неофициальных. С банкирами, в Совете министров, в Думе, с разными генералами и деятелями культуры. Понял? Даю тебе несколько дней. Хоть наизнанку вывернись, а добудь: купи, укради, заложи душу дьяволу, но принеси! Ты имеешь доступ к этой информации. А я попробую ее перепроверить и уточнить.

Шамрай шумно вздохнул и тыльной стороной ладони смахнул обильно выступивший на лбу пот – от того, что сообщил и как наседали колченогий, бросало в жар, словно в парилке. А вдруг он врет про убитых? Хотя зачем ему: за время их сотрудничества Владислав Борисович не раз имел возможность убедиться, что Николай Семенович никогда зря не болтал и не бросался пустыми обещаниями. Кремень, а не человек, несмотря на увечье.

Значит, про убитых правда, но колченогий не стал развивать эту тему, видимо, не желая давать лишнюю информацию, а расспрашивать его – дело пустое. Еще, чего доброго, нарвешься на неприятность.

– Сколько у меня есть времени?

– Неделя, не больше, – как отрезал Николай Семенович. – Поторопись!

Нельзя дать этому слюнтяю Владика расслабиться: пусть тянет все, что попадет в лапы, а там разберемся, отделяя зерна от плевел.

Колченогий свистнул собаку, повернулся и, не прощаясь, медленно захромал к выходу из парка.

Шамрай подождал, пока он отойдет подальше, и зло плюнул ему вслед – Владислав Борисович прекрасно понимал: из соратника и, если уж на то пошло, подельника он постепенно превратился пусть в высокооплачиваемого, но полностью зависимого от Николая Семеновича

осведомителя. И сделал это не кто иной, как сам колченогий, запугав Шамрая и опутав своими липкими сетями.

Да, Владислав Борисович высокопоставленный правительственный чиновник, да, у него много денег и есть счета за рубежом, да, его благорасположения ищут, но на самом деле он тривиальный стукач хромого мафиози. Как же от этого приходится страдать! И морально, и физически.

Лола развалилась на диване и смотрела телевизор. Сегодня на ней был полупрозрачный розовый пеньюар с бордовыми кружевами, и выглядела она весьма соблазнительно, но Лева, подсматривавший за сожительницей через щелочку в неплотно прикрытой двери, решил: сейчас не время для любовных забав. Все равно придется как-то коротать вечер, вот тогда они этим и займутся. Конечно, жить затворником смертная тоска, однако лучше некоторое время пережить в добровольном заточении, чем целую вечность лежать в холодной и сырой могилке.

Зайденберг на цыпочках направился в кабинет, по пути прихватив бутылку из стоявшего в коридоре холодильника. Усевшись за стол, он плеснул в стакан виски, выпил, закурил сигарету и открыл дверцу шкафа. На мониторе застыла картинка пустой лестничной площадки – умело вмонтированная скрытая минителекамера, придуманная на далеких островах Восходящего солнца, показывала: около дверей квартиры никого. Вот и прекрасно.

Лева выпил еще и начал одну за другой нажимать клавиши на пульте, просматривая весь двор, автостоянку, где жарились его «жигули», подходы к подъезду. Сонное царство, да и только: бабки на лавочке, малыши в песочнице, редкие прохожие. А ведь всего в сотне метров гудит поток транспорта и как муравьи снуют пешеходы на широком проспекте. Нет, что ни говори, удачно он прикупил эту квартиру, очень удачно.

После третьей дозы он почувствовал жажду деятельности и решил с кем-нибудь пообщаться по телефону. А почему нет, если под рукой аппарат, который не позволяет засечь его номер? Так, кого осчастливить своим вниманием?

Лева достал электронную записную книжку и с удивлением увидел, что на экранчике, вроде как сам собой, высветился номер Элки Ларионовой. Ах да, наверное, когда он с пьяных глаз последний раз набирал ее номерок, он так и остался. Ладно, будем считать это знаком судьбы.

Бывший шоумен набрал номер, подождал и уже был готов разочарованно причмокнуть и положить трубку, как вдруг после пятого или шестого гудка в наушнике щелкнуло и знакомый голос проворковал:

– Алло, вас слушают.

Лева от неожиданности нажал на рычаги и оторопело посмотрел на аппарат, как будто тот мог дать ответ, кто сейчас говорил: действительно Эльвира или это просто почудилось?

Зайденберг налил еще, залпом выпил и вновь набрал номер. Пошли долгие гудки, потом щелчок, и в наушнике тот же голос:

– Алло, вас слушают. Отвечайте, – на другом конце провода начали слегка раздражаться. – Да не молчите же или перезвоните, вас совсем не слышно.

Услышав пиканье отбоя, Лева положил трубку и оцепенел в кресле. Нет никаких сомнений – это Элка! Господи, сколько он ждал этого момента, а теперь растерялся и не знает, что делать. Начни говорить с ней, так бросит трубку и опять сбежит куда-нибудь с перепугу, а ему этого не надо: ищи ее потом!

Как бы исхитриться и лично поговорить с ней, предложить уехать и обеспечить всю ее жизнь, а если откажется, тогда остается одно – вмазать пулю и пусть не достается никому. А проклятый мент, ставший ее любовником, будет цветочки на кладбище носить. Походит-походит и перестанет, забудет, новую бабу найдет, а вот Леву ему никогда не найти! Никогда!

Затуманенный алкоголем мозг Зайденберга уже не мог ни здраво оценить ситуацию, ни тем более подать сигнал тревоги, предупредив, что слишком уж легковесно Лева на все смотрит, грубо подгоняя реалии под желаемую идеальную модель. Раньше Зайденберг был трезвым и расчётливым дельцом. Но это раньше!

Он допил оставшееся в бутылке виски и прилег на диван, намереваясь прикинуть, как лучше действовать, однако выпитое оказалось сильнее, и добровольный затворник провалился в тяжелое забытие. Заглянувшая в комнату Лола, увидев на столе пустую бутылку, решила его не беспокоить и отправилась в дальнюю комнату. Недавно она нашла запасной комплект ключей от бронированных дверей и теперь чувствовала себя значительно уверенней: по крайней мере, она могла ускользнуть от Левки; код, блокирующий замок двери, он ей выболтал в одну из жарких ночей, став в ее объятиях податливым, словно воск. А про деньги молчал, зараза, как она ни ластилась...

Проснулся Зайденберг ближе к вечеру. Сон немного освежил его, но зато жутко хотелось похмелиться, вернее, добавить, чтобы снова поймать ставший привычным ломовой кайф. И тут Лева вспомнил про Элку. Напиться, когда она наконец-таки появилась, будет с его стороны непростительной глупостью!

Он принял душ, наскоро обтерся полотенцем и побежал одеваться. Пожалуй, лучше всего выйти по-деловому: светлая рубашка без галстука – зачем он по такой жаре? – и легкий бежевый костюм. Пиджак обязателен, поскольку придется куда-то спрятать оружие и положить документы.

– Ты куда собрался?

От неожиданности Лева вздрогнул и обернулся. В дверях стояла Лола, небрежно придерживая распахнувшийся на груди пеньюар. М-да, придет время разбираться и с ней, но не сейчас.

– Иди, не мешай, – буркнул он, натягивая брюки. – У меня дело в городе, я ненадолго. Ну, чего встала?

– К ужину вернешься?

– Да, да! Я же сказал!

Она надменно задрала подбородок и вышла. Зайденберг застегнул рубашку, побрызгал на себя крепким одеколоном, проглотил японский антиалкогольный шарик и опустился на колени около окна. Там, за плинтусом, был устроен тайничок. Вообще-то их в квартире было несколько, и прежний хозяин рассказал обо всех: какой смысл умалчивать об этом, если он собирался помахать ручкой России? В тайнике у окна Лева хранил «беретту» – небольшой итальянский пистолет с двумя обоймами.

Наконец Лева сел за руль и вывел машину со стоянки. Подгоняло нетерпение, но он всеми силами сдерживал себя: долго ждал этого часа, подождет еще немножко, а неприятности с ментами ни к чему. Пусть документы абсолютно надежные и в правах всегда лежит дежурная зеленая купюра для проклятых мздоимцев, кормящихся на асфальте, но лучше не рисковать.

До Каланчевки он добрался без происшествий. Немного покрутившись вокруг квартала, Зайденберг высмотрел удобное местечко и припарковался. Ну, теперь начиналось самое главное.

Проходя мимо цветочного киоска, он поддался настроению и купил розы – три крупных, величиной чуть ли не с детский кулачок алых бутона на крепких шипастых стеблях. И в голове сразу возникла картинка из американского гангстерского боевика: мафиози убивает любовницу и кладет на труп розы. Пусть Элка никогда не была его любовницей, но если она вновь оскорбит его, он заставит ее проглотить эти слова вместе с кровью! И алые розы...

Лифт оказался занят, но кабина ехала вниз, и Лева решил подождать: подниматься пешком было лень. Двери кабины открылись, из нее вышли два молодых парня и расступились, пропуская Зайденберга. Он шагнул вперед, и тут его неожиданно и сильно ударили в солнеч-

ное сплетение. Лева открыл рот в немом крике и начал грузно оседать на грязный пол. Однако парни ловко подхватили его под руки, подняли упавший букет и потащили бывшего шоумена на улицу. Следом с верхней площадки спустились еще двое.

У подъезда уже стоял микроавтобус с тонированными стеклами. Зайденберга швырнули в салон и уложили лицом вниз на сиденье. Чужие сноровистые руки обыскали его, выворачивая карманы. В несколько секунд Лева лишился «беретты», документов, бумажника с деньгами и ключей.

– Кто?.. За что? – невозмогая подкатывавшую к горлу рвоту, прохрипел он. – Сколько хотите?

Ни на один из его вопросов никто из находившихся в микроавтобусе даже не подумал ответить. На запястьях Зайденберга защелкнулись браслеты наручников, щиколотки связали веревкой и, в довершение всего, сверху на бедного Леву уселись два бугая, плотно впечатав его в сиденье массивными задницами. Страшно болел живот, мутило, кровь молоточками стучала в висках, и каждый вдох давался с трудом, но радовало одно – если сразу не убили, остается надежда поторговаться. А где начинается торговля, там уже нет места скоропалительным расправам.

В любом случае это не менты и не спецслужба: и те и другие не станут скрывать, куда везут и кто они такие. Наоборот, они любят сразу же подавить психологически, сообщив, что ты арестован. Хотя кто их знает, времена меняются.

Как долго ехали, определить не удалось – часы сняли, а когда страдаешь от удушья и боли, десять минут покажутся вечностью. Несколько раз останавливались, скорее всего, на светофорах, поворачивали в разные стороны, но кто поручится, что тебя просто-напросто не катали по кругу, как на карусели?

К великому облегчению Левы, машина наконец остановилась, бугаи слезли с пленника и развязали ему ноги. Подхватили под руки, вытащили из машины и почти внесли в открытую дверь подъезда. Зайденберг только и успел заметить, что двор глухой, окружен стенами старых домов из красного кирпича, а вокруг ни души. Где это? С Каланчевки его могли повезти куда угодно, хоть в сторону Сокольников, хоть через эстакаду мимо Рижского вокзала в Марьину Рощу, хоть в Центр, где сохранились такие закоулки, что перед ними меркнут любые парижские тайны из знаменитого романа Эжена Сю.

В подъезде воняло кошками и гнилыми отбросами. Зайденбергу обмотали голову куском темной ткани и потащили почти волоком то вверх, то вниз, то по гулким коридорам. Но вот его поставили на ноги, сняли с головы душную тряпку, и он увидел, что находится в большой комнате с окном, закрытым изнутри плотными ставнями. Под высоким потолком голая лампочка на черном шнуре. Пол из темных дубовых плашек старинного паркета, и почти никакой мебели: письменный стол канцелярского типа, пара стульев да массивное деревянное кресло с высокой прямой спинкой. Именно в него усадили пленника, сняв наручники и пристегнув его руки и ноги ремнями к подлокотникам и ножкам. Лева попробовал двинуться, но кресло, казалось, было сделано из тяжеленного железного дерева.

Бугаи вышли. В комнате появились средних лет лысоватый блондин, одетый в рубашку цвета хаки и потертые джинсы, и высокий представительный мужчина в светлом летнем костюме. Они сели у стола, и высокий, пригладив ладонью пышную, успевшую изрядно поседеть шевелюру, вежливо обратился к Зайденбергу:

– Здравствуйте, Лев Маркович. Или вы будете настаивать, чтобы вас называли Игорем?

– Что вам нужно? – облизнув пересохшие губы, хрипло спросил Лева.

– Во-первых, информацию, а во-вторых – деньги! – Хищные рысьи глаза лысоватого блондина уперлись в лицо Зайденберга, и тому стало не по себе.

– Какая информация? – жалко пролепетал он, сникнув под безжалостным, не обещавшим ничего хорошего взглядом. – Я ничего не знаю! И никогда секретным не был!

– Ладно, не корчи из себя идиота, – бросил человек в светлом костюме. – Если ты нищий и ничего не знаешь, зачем тогда прячешься?

– Кто обещал переправить тебя с деньгами за рубеж? – быстро спросил блондин.

По телу Левы пробежала дрожь, и он вдруг ясно понял: Элка Ларионова и не думала приезжать в Москву! Она как полиняла от его назойливого внимания и неприкрытых угроз, так и не вернется, пока не убедится, что все миновало. А его, словно последнюю дешевку, купили на телефонной подставе, и он, залив бельма спиртным, не разобрал, что к чему, и не скумекал, в какую петлю сунул голову. А теперь эта петелька уже туго захлестнула шею! Остается лишь торговаться за жизнь и, если удастся вырваться, немедленно сваливать из Москвы хоть к черту на рога. Главное – попробовать сохранить деньги: без них он ничто, пустой звук! Но людей придется отдать, тут уж...

– Хафиз, – вздохнул шоумен. От покойного бандита не убудет.

– Так, – кивнул лысоватый. – Еще?

– Там еще один вертелся, кажется, Лечо.

– Ну, дальше, дальше.

– А всем заправлял Сергей Сергеевич. Такой в сером костюмчике, глазки голубые, любил в валютном кабаке «Каштан» посидеть.

– Прогулки по кладбищу нас интересуют мало, – закуривая, предупредил блондин с рысьими глазами. – Хафиз мертв, Лечо – тоже. Жив лишь Сергей Сергеевич. Кто тебя свел с ним, кто помог украсть бабки и поменять документы? Куда и как ты собирался выезжать? Где твои деньги?

– Какие деньги? – вполне искренне изумился Лева. – Когда меня кинули, осталась сущая мелочь, а ее я отдал за квартиру.

И тут же ухватился за эту спасительную находку: да, его кинули Сергей Сергеевич и компания, поэтому денег у бедного Зайденберга больше нет. Нет, и все! Выпить бы сейчас стаканчик, но разве дадут? А внутри все уже горело огнем, и язык стал похож на шершавую терку в пересохшем рту.

– Меня кинули эти гады! Обещали, взяли бабки, а банковская контора оказалась подставной, и я остался голый.

Потом Сергей Сергеевич исчез, меня стали искать мужики с Петровки, пришлось на оставшееся купить квартиру и залечь на дно.

– Лев Маркович, вы не пробовали писать романы? – с иронией поинтересовался мужчина в светлом костюме.

– Говори, кто свел с Сергеем Сергеевичем и где баксы?! – набычился лысоватый. – У меня нет ни времени, ни желания с тобой долго возиться.

– Я все сказал, – всхлипнул Лева, сам себе удивляясь, откуда вдруг у него взялись слезы. Наверное, жить захочешь, еще не так заплачешь.

Блондин примял в пепельнице окурочек, вынул из кармана сложенный полиэтиленовый пакет и крикнул:

– Валериан!

Вошел один из бугаев. Зайденберг весь сжался, ожидая, что сейчас его будут бить, но громила лишь пристегнул его еще одним ремнем поперек груди и отступил в сторону.

Лысоватый с рысьими глазами подошел ближе и неожиданно надел на голову пленника полиэтиленовый пакет, туго затянув его на горле. Через секунду Лева почувствовал: удушье сводит его с ума, и закричал что было сил, но от этого стало еще хуже – остатки воздуха вышли из легких, а звук голоса заглушил пакет.

Внезапно пакет сдернули, и Зайденберг жадно задышал, хватая воздух широко открытым ртом, но тут полиэтилен вновь очутился на голове, и удушье опять стало туманить мозг.

Какая выпивка, какие сигареты?! Зачем вообще нужны любые, самые красивые женщины и куча денег, если нет даже глотка воздуха и ты должен сейчас отправиться в мир иной!

– Владислав... Владислав Шамрай, – когда блондин вновь сдернул пакет, заплетающимся языком сказал Лева. Черт с ним, с усатым Владиком: он и так имеет до хрена и ему не надевают на голову пакет. А если хочет, то пусть попробует.

– Уже лучше, – удовлетворенно кивнул лысоватый. – А как насчет бабок?

– Не знаю, ничего не знаю. У меня нет денег!

– Слушай, – Леву слегка похлопали по щеке. – Ты должен все рассказать о Владиславе и отдать баксы, а потом можешь пойти на все четыре стороны. Даже если предупредишь своего приятеля, это ничего не изменит. Подумай, а я подожду. Давай, Валериан! Только не кончи его, не то сам займешь кресло!

Блондин отдал громиле пакет и, сделав знак приятелю в светлом костюме следовать за ним, вышел из комнаты. Валериан тут же накинул Лева на голову пакет, и кошмар начался вновь...

– Расколется! – прикрыв за собой дверь, уверенно сказал Борис Матвеевич. – Он уже начал ломаться.

– Пьет-то пьет, а за деньги держится, – усмехнулся Иван Дмитриевич.

– Ты бы тоже держался. Подождем немного, – предложил Борис Матвеевич, удобно устроиваясь на диване. – Включи кофеварку, выпьем по чашечке крепенького, взбодриться хочется.

– Может, лучше сделать ему укольчик? – занимаясь приготовлением кофе, предложил Иван Дмитриевич.

– Не, – мотнул головой шеф. – Сильно пьющий, вдруг крыша поедет? А мне Шамрай нужен и те, кто за ним! Они значительно сильнее, умнее и опаснее этого чиновничка. Я его под наблюдение возьму, пылинки стану сдувать, но все вынюхаю. Все! И Левкины баксы получу.

– Да, если он не солгал, – Иван Дмитриевич подал Борису Матвеевичу чашку кофе и предупредил: – Очень горячий.

– Ничего, холодный кофе это уже помои, – ответил тот. – А от вранья мы никогда не застрахованы. Но Зайденберг не станет лгать: на карту поставлена его жизнь, а у подобных типовов крайне развит инстинкт самосохранения.

– Не менее жадности?

– Более! За жизнь он отдаст все. Кстати, снимай телефонистку и позвони Лоле, пусть сторожит квартиру. Думаю, страдать нашей птичке осталось недолго.

Иван Дмитриевич набрал номер и, услышав в наушнике голос Лолы, не здороваясь спросил:

– Какие новости?

– По-моему, он дозвонился. Собрался и уехал. Обещал вернуться к ужину.

Проститутка докладывала о сожителе отрывистыми фразами, стараясь уравнять сбившееся дыхание: она подбежала к телефону, оторвавшись от увлекательнейшего занятия – поиска денег в большой, роскошно обставленной квартире. О, если бы только ей посчастливилось их найти!

– Ладно, – вздохнул Иван Дмитриевич, в душе жалея эту красивую, но ужасно бестолковую и, по большому счету, несчастную бабу. – Он может задержаться, а ты никуда не уходи!..

Телефонный звонок раздался как раз в тот момент, когда Мякишев изучал сводки о раскрытии преступлений исполняющим обязанности начальника отдела подполковником милиции Сергеем Ивановичем Серовым. Особенно Александра Трофимовича интересовали те случаи, когда что-то удавалось сделать по данным осведомителя, работающего под оперативным псевдонимом Фомич, – именно с ним в тот день встречался Серов на Калитниковском кладбище. Мякишев не забыл и выяснил это, а теперь старался вычислить самого Фомича по пре-

ступлениям, о которых тот знал и сообщал Серову, всегда очень ревностно оберегавшему своих стукачей от чужого глаза, даже начальнического. Впрочем, от начальнического – в особенности: уж это Александр Трофимович знал как никто лучше, поскольку еще недавно возглавлял отдел, где служил Серов.

Отложив бумаги, Трофимыч снял телефонную трубку и недовольно буркнул:

– Мякишев!

– День добрый, – услышал он знакомый голос.

– Добрый, – все так же нелюбезно ответил заместитель начальника управления.

– Сегодня в восемь. Идет? – спросил мужчина.

– Да, – и Мякишев положил трубку.

После этого звонка заниматься бумагами расхотелось, и Александр Трофимович спрятал их в сейф. Есть чем заняться до вечера, и время пролетит незаметно, а там уже станет ясно, зачем его позвали. М-да, вот еще одна маленькая проблемка: как быть со служебной машиной? Никогда ни в ком нельзя быть до конца уверенным, в том числе в собственном водителе. И, может быть, в нем прежде всего?

Ну да это не проблема – оставить шофера в стороне от места встречи и пройтись несколько кварталов пешочком. Вот и нечего будет ему сказать, если спросят...

Ровно в восемь Мякишев поднялся по белой мраморной лестнице на второй этаж ресторана «Прага» и вошел в зал. Тихо звучала музыка, сновали официанты, тонко звенел хрусталь, сиял паркет. Александр Трофимович прошел в дальний конец зала и, спросив разрешения, присел за столик к respectable с седому господину, скучавшему в одиночестве.

В самом начале их знакомства он представился Мякишеву как Павел Иванович и, памятуя школьный курс литературы, Александр Трофимович тут же окрестил его про себя «Чичиковым». Но в том, что Павел Иванович настоящее имя его знакомого, Мякишев абсолютно не был уверен. Скорее наоборот. Да разве в этом суть? Суть их отношений заключалась совершенно в ином.

– У вас уже приняли заказ? – поинтересовался Мякишев.

– Еще нет, пожалуйста, прошу вас! – Павел Иванович подал ему через стол солидную папку меню.

Александр Трофимович осторожно раскрыл ее и увидел плотный конверт. Сердце его радостно екнуло. Он незаметно смахнул конверт на колени, а потом убрал его во внутренний карман пиджака, с удовольствием ощутив, как упруго хрустит и проминается внутри солидная пачка стодолларовых купюр – «Чичиков» просто не признавал иных ассигнаций. Что же, у каждого свои пристрастия.

– В следующий раз мы опять встретимся здесь? – листая меню, негромко спросил Мякишев.

– Вас что-то не устраивает или вызывает беспокойство? – насторожился Павел Иванович.

– Место встречи изменить нельзя? – пошутил Александр Трофимович, закрывая меню. – Когда-нибудь мы здесь нарвемся на нежелательную компанию.

– Вот вы о чем, – облегченно вздохнул «Чичиков» и доверительно сообщил: – Привычка, знаете ли. В моем возрасте уже трудно менять привычки, а я долгие годы встречался с нужными людьми именно в «Праге». Солидно, приличная кухня, наверху уютные кабинеты. Можно приятно провести время и поговорить о деле. Кстати, выпьете немного? Тогда я закажу коньячку, для сердца полезно по такой жаре.

– С удовольствием. Однако позвольте мне заметить, уважаемый Павел Иванович, что сейчас полно разных кабачков и рестораников по всему Центру, там не в пример меньше риску нарваться на нежелательные встречи.

– Я учту. Но и вы учтите, дражайший Александр Трофимович, что не мешает знать, кто именно контролирует кабачок или ресторанчик, в котором вы захотите встретиться в следующий раз. И проверить его на наличие чужой техники. А тут так мило...

Подошел официант, и, пока он принимал заказ, беседу пришлось прервать, но из того, что сказал «Чичиков», Мякишев для себя уяснил: здесь как была, так и осталась вотчина прежней или все еще настоящей службы Павла Ивановича. Сейчас черт их разберет, кто они на самом деле и в кого любят перекрашиваться, а уж кому служат – тем более! Тот же респектабельный Павел Иванович вполне может являться своеобразным проводником, буфером, неким связующим звеном между государственными спецслужбами и сильнейшими криминальными группировками, имеющими в своем кармане коррумпированных чиновников на самом вершине пирамиды власти.

Когда после первой рюмки занялись салатами, «Чичиков» как бы между прочим поинтересовался:

– Что подельывает ваш любимчик Серов? Все еще из шкуры вон лезет в поисках тех, кто помогал деловым людям уйти на Запад?

– Он назвал это дело «Крысиная тропа», – Мякишев отхлебнул из фужера холодной минералки и промокнул губы салфеткой, выигрывая время, чтобы обдумать ответ и не попасть впросак.

С чего бы вдруг такое пристальное внимание к Сереге? Кажется, все прошло и похоронено, как говорится, быльем поросло. Или он ошибается, и где-то в недоступных глубинах продолжается возня: роют новые ходы, подводят мины и готовят ближним глубокие ямы-ловушки? Если Серов не бросил интересоваться ушедшими на Запад бизнесменами и их покровителями, то непременно сломает себе шею, а гробить себя вместе с ним Александр Трофимович не испытывал ни малейшего желания.

– Явно интереса он не проявляет, – сказал Мякишев. – А в голову разве влезешь?

Павел Иванович выплюнул косточку маслины.

– Он что, романтик? – вполне серьезно спросил он. И собеседник прекрасно понял его.

– В определенной мере да, романтик сыска, именно криминального сыска.

– И ярый поборник справедливости?

– Приобрел с годами определенную гибкость, но все равно стремится добиться справедливости, – вынужденно признал Александр Трофимович.

– Пора его менять на руководящем посту, – наливая в рюмки коньяк, как о давно решенном деле сказал «Чичиков».

Мякишев удивился:

– Мы же его только назначили.

– Ну и что? Передвинем, задвинем или выдвинем наверх, в министерство. Там идиотов хватает, зашибут насмерть с его-то принципами, так и останется на всю жизнь до пенсии подполковником и будет не вылезать из командировок по медвежьим углам. Кстати, к вам на днях заглянет один молодой человек и передаст привет от меня. Так вы посмотрите: хорошо бы его сначала замом к Серову поставить, а потом сделать начальником отдела. У молодого человека будет несколько вопросов, так вы на них ответьте, считайте, что это я вас спрашиваю. Договорились?

«Роят! – понял Трофимыч. – И не переставали рыть! Куда, чего и зачем, дело не мое, но роят, сукины дети. А Серегу, как ни жалко, придется сдать: пусть лучше отправляется служить в министерство и гоняет там по командировкам, чем лишится буйной головы. Наверху на глупости времени не останется. Хотя обидно, толковый сыщик, и вместе с ним мы могли бы шкуру содрать не с одной сволочи, но... Времена изменились, и стоит ли заводиться, когда понимаешь, что ты уже давно не боец?»

– Договорились, – натужно улыбнулся Мякишев и не смог удержаться, чтобы не заметить с горечью: – Кажется, дорогой Павел Иванович, вы меня теперь тоже в некотором роде рассматриваете как своего агента?

«Чичиков» откинулся на спинку кресла и недоуменно поднял брови, делая вид, что искренне изумлен и даже несколько обижен услышанным. Надо отдать ему должное – он был неплохим актером, но обмануть Трофимыча, выросшего в атмосфере закулисных интриг и всю жизнь прослужившего в органах, ему не удалось. Видимо, поняв это, Павел Иванович вновь наполнил рюмки и грустно улыбнулся.

– Знаете, как в Библии сказано? Что существует, тому уже наречено имя, и известно, что это – человек и что он не может препираться с тем, кто сильнее его... Оставьте дурные мысли. Давайте лучше выпьем за все хорошее!

– Боюсь, все хорошее давно позади, – вздохнул Мякишев.

В таком настроении отпускать его не стоило, и «Чичиков» примирительно проговорил:

– Бросьте! Жизнь странная штука и, по большому счету, все мы чьи-то стукачки. Главное – не стать двурушником!

Он поднял рюмку и поверх нее пристально посмотрел Александру Трофимовичу в глаза, и у того неприятно заныло сердце. Видно, столь давнее и ранее абсолютно не обременительное, зато очень выгодное знакомство-сотрудничество с Павлом Ивановичем начинало перетекать в новую, не совсем приятную фазу. В последние месяцы это чувствовалось особенно остро, но, как справедливо заметил «Чичиков», можно ли препираться с тем, кто сильнее тебя? Коли эти ребята взяли за горло, то уже ни за что не выпустят, а начнешь дергаться – засучишь ножками в петле, тщетно пытаясь дотянуться до земли.

Нет, уж лучше не дергаться, тем более, когда нет сильной руки, способной прикрыть тебя от всех напастей, а значит, и нет никакой возможности показать зубы в ответ на завуалированную угрозу, – такие вещи Трофимыч усваивал с легу.

Мякишев притворился, что проглотил все обиды и смиренно склонил голову перед сильным, выпив с ним рюмку в знак примирения и покорности. Более к скользкой теме не возвращались, и разговор шел о других делах, интересовавших Павла Ивановича. Александру Трофимовичу не давал покоя вопрос: неужели у «Чичикова» такая прекрасная, профессионально развитая память, что он ничего не записывает? Или записывает, но на диктофон в кармане легкого летнего пиджака? Тогда надо быть особенно осторожным и взвешивать каждое слово.

Внешне совместный ужин закончился вполне дружески. Со стороны казалось, что два уже немолодых человека, случайно оказавшихся за одним столиком, выпили, поели и распрощались. Как всегда, Павел Иванович отклонялся первым. Пожелав ему всего доброго, Александр Трофимович подумал: никогда не знаешь, где потеряешь, где найдешь, и скоро он увидит еще одного из человечка. И кто знает, когда и как это потом может пригодиться...

А вокруг продолжался праздник жизни. За столиками рядом пили, ели, клялись в любви и скрывали лютую ненависть, радовались и горевали, обольщали и разочаровывались. В соседнем зале, снятом для какого-то торжества, вдруг призывно зазвенели бубны, застонали цыганские семиструнные гитары, и глуховатый гортанный басок затянул: «Ямщик, не гони лошадей!» Подхватил хор, и мелодия полилась широко и привольно, будоража разогретую хмельным душу.

И Трофимычу вдруг страшно захотелось заказать бутылку водки и хлопнуть один за другим пару полных стаканов – без закуси, как бывало во времена его давно минувшей молодости, – чтобы побыстрее ударило по мозгам. А потом лихо рвануть на груди рубаху и, опьянело трясая плешивой головой, вихрем ворваться в пестрый круг пляшущих цыган. Плевать, что там все обман и сплошное лицедейство, что там только призрак вольной, беззаботной жизни, но хлебнуть ее сполна хоть на миг, и в этот миг раскрепощения пусть вдрызг струны и душа пополам! Лишь бы ощутить себя свободным, как птица, хоть на миг!

Но Мякишев не заказал водки. Он докурил, расплющил в пепельнице окурок, встал, поправил пиджак и тенью скользнул к выходу, а вслед ему несло тоскливое, как рыдание в широкой степи: «Нам некуда больше спешить...»

Утром, после совещания у руководства, Мякишев попросил Серова зайти к нему в кабинет, угостил сигаретой и завел разговор о проблемах, которых вчера касался Павел Иванович. Однако подполковник, по своему обыкновению, либо отнекивался, либо пытался отшутиться, что только упрочило Трофимыча в уверенности: «Чичиков», к сожалению, прав и Серов не перестал заниматься тем, что давно стоило забыть и списать в архив. Ну что же, всем свою голову не приставишь и при самом добром отношении к Сереге ему трудно будет помочь, если ситуация вдруг непредвиденным образом осложнится.

Теперь Мякишеву оставалось лишь ждать визита человека Павла Ивановича. В каждом, кто входил в его кабинет, он готов был видеть посланца «Чичикова». Но, может быть, встреча сегодня не состоится, а случится в другой день? Но чутье подсказывало – долго ждать не придется, Павел Иванович и его руководители чем-то обеспокоены и не станут тянуть: им надо ускорить ход событий и направить их в нужную сторону.

Чутье не обмануло. Ближе к вечеру в кабинет заместителя начальника управления робко вошел с папкой документов Аркадий Петрович Пылаев – старший опер из аналитического отдела. Присев на предложенный начальником стул, он подал бумаги и негромко сказал:

– Вам просили передать привет, Александр Трофимович.

– Привет? – Мякишев взглянул на Аркадия с интересом: неужели именно он и есть человек «Чичикова»? Занятно. – От кого?

– От Павла Ивановича.

Так и есть, это Пылаев. Трофимыч откинулся на спинку кресла, закурил новую сигарету и слегка нахмурился – Ар-кашка-то, оказывается, не то что мертвая, а продажная душонка?! Стало быть, ссучился за спиной собственного руководства, а теперь ему приветики передает? А к ногтю его прижать, как гниду, к глубокому сожалению, не разрешат. В его годы Мякишев и думать не посмел бы продаться за деньги даже так называемым «старшим братьям» из госбезопасности, не говоря уж о преступных группировках, а этот молокосос успел, как смазливая баба, пристроиться в содержанки. Недаром, зная, подлец так рвался в аналитический отдел: там больше можно отсосать информации для продажи. Ну, сука!

Вот, вырастили молодежь на смену, доставили себе радость перед отставкой! Одни уже научились все пускать в оборот и делать предметом торга, а другие упрямо лезут не в свои дела, грозя подвести под топор вместе со своими и чужие головы. Кстати, Аркадий Петрович еще совсем молодой человек, моложе даже, чем Серега Серов.

Эта мысль чем-то обеспокоила Мякишева, но он пока никак не мог понять чем и, чтобы не затягивать паузу, спросил:

– Что он просил еще передать кроме приветов?

– Просил переговорить с вами относительно вакансии.

– Это какой?

– В отделе Серова вакантно место заместителя.

– Да, я помню, – протянул Трофимыч, задумчиво барабанив пальцами по крышке стола.

Вот, теперь все потихоньку встает на свои места. Может быть, конечно, по своей привычке подозревать всех и вся он преувеличивает опасность? Но, как ни крути, получается такой расклад, что Пылаева нужно назначать под Серова, которого, как сказал Павел Иванович, пора убирать из начальственного кресла. Стало быть, после этого в него непременно сядет Аркадий Пылаев?! Больше некому: он съест или поможет съесть своего непосредственного начальника, он же его и заменит, а Трофимыч собственными руками сплетет себе лапотки и удавочку на шею! Придет время, Пылаев подставит и его, как Серова, а в благодарность полу-

чит новое кресло. Вот только передвинется ли при этом вверх по иерархической лестнице сам Мякишев? Вряд ли!

О том, что он сам когда-то ради карьеры вступил в альянс с Павлом Ивановичем, Трофимыч вспоминать не хотел.

Перед ним со смиренным видом сидел сейчас не соратник, а соперник, причем опасный своей молодостью и полной беспринципностью. И ведь, что самое отвратительное, придется делать все, что попросил «Чичиков», и назначить Аркашку.

«Аркадий, кажется, означает “счастливый”? – с сарказмом подумал Трофимыч. – Ничего, голубчики, я тоже не лыком шит и еще посмотрим, удастся ли вам сковырнуть меня, как тухлявый пенек».

Но в душе нарастало смятение, и Мякишев знал, что может сколько угодно хорохориться и тешить себя угрозами в адрес «Чичикова» и того же Пылаева, однако сумеет ли он их осуществить, причем так, как хотелось бы, в полной мере отмерив всем сестрам по серьгам, да таким, чтобы уши оторвались к чертям собачьим?! Можно ли препираться с тем, кто сильнее тебя? Эта библейская мудрость засела в голове, как заноза, и не давала покоя!

– Да, я помню, – повторил Трофимыч. И он действительно помнил, поскольку не далее как сегодня утром Серов говорил, что хотел бы сам подобрать себе заместителя, а Мякишев в ответ сразу предупредил, чтобы Сергей не рассчитывал протянуть своего приятеля и подчиненного Володьку Тура: молод тот еще в руководители и не набрался должного опыта. – Помню, как же. Ты у нас кто по званию?

– Капитан.

– М-да, жалко, что не майор, старшего офицера проще представлять на повышение.

Мякишев понимал, что несет околесицу и звание тут совершенно ни при чем, если все наверняка давно решено и без него, но никак не мог остановиться.

– С Серовым сработаешься? – прищурился он на Пылаева. – Сергей Иванович крепкий профессионал и мужик не сахарный. Да и отдел у него далек от аналитических проблем. Сдюжишь?

– Надеюсь с вашей помощью, – с лстивой улыбкой ответил Аркадий Петрович.

«Интересно, что он обо мне знает? – подумал Мякишев. – Надо полагать, Павел Иванович не полный идиот, чтобы раскрывать карты перед этим сопляком? Хотя, кто их там знает, вдруг меня уже приготовили к списанию. Пусть не завтра, но все же? Вот и мучайся теперь, чтоб им...»

– Хорошо, – Трофимыч решил «не терять лицо» при любой ситуации и дал понять, что, несмотря на приветы от Павла Ивановича, дистанция между Мякишевым и Пылаевым останется неизменной. – Я подумаю, так решить этот вопрос, и будем надеяться на положительный результат. Кстати, у меня не так много свободного времени, так ты, Аркадий Петрович, набросай представление на себя сам и занеси мне. Договорились? Что еще?

– Наш общий знакомый интересовался, кому из своих осведомителей Серов больше всех доверяет.

Пылаев без разрешения закурил, и это несколько покорило Мякишева, но он сделал вид, что ничего не заметил. Да и вопросик заставлял задуматься.

– У него был человек в криминальной среде, которому он верил. Некий Эмиль, настоящая фамилия Мирзоян, Геворк Мирзоян. Но его убили.

– Да, я слышал об этом инциденте, – кивнул Пылаев. – А потом убили некоего Лечо, убравшего Эмиля?

– Вот-вот, там потянулась целая цепочка, смерть на смерти, но Серов сумел выйти из положения победителем. Что же до того, как сейчас, я просто затрудняюсь ответить.

«Покрутись-ка ты, милоч, сам, – злорадно подумал Трофимыч. – А то не успел еще даже до майора дослужиться, а уже норовишь жар загребать чужими руками, да еще руками заместителя начальника управления. На чужом горбу ехать я и сам умею».

– Вам лучше меня известно, от кого он постоянно получает информацию, поскольку вы совсем недавно были его непосредственным руководителем, – упрямо наклонил голову Аркадий. – Как вы понимаете, это не мое праздное любопытство...

«Считай, что я сам тебя спрашиваю», – вспомнились Мякишеву слова «Чичикова», и он с неохотой сказал:

– Не могу точно поручиться, но есть у него такой Фомич. Но ищи на него выходы сам: Сергей Иванович своих людишек надежно прячет, даже от меня.

– Ничего, выроют, – усмехнулся Пылаев и, приняв официальный вид, попросил разрешения уйти. Мякишев остановил его.

– погоди, а бумаги твои? Подписать, наверное, нужно?

– Ничего, Александр Трофимович, – Аркадий встал. – Я зайду за ними завтра, когда занесу представление. Разрешите идти?

– Иди, – вяло махнул рукой Мякишев.

Оставшись один, он запер дверь кабинета и распахнул высокий старый книжный шкаф, на полках которого теснились папки с практически никчемными бумагами. Запустив между скоросшивателями руку, Трофимыч раздвинул их и достал бутылку коньяка с нахлобученным на горлышко граненым стаканом. Вытащил пробку, налил и жадно выпил. Немного постоял, прислушиваясь к возникшим внутри ощущениям, и выпил еще. Потом спрятал бутылку и стакан, закрыл шкаф и отпер дверь.

Вообще он старался никогда не употреблять спиртное на службе, а позволял себе расслабиться только вечером, вне стен управления. Однако сегодня нервы просто горели, и организм настойчиво требовал дозы привычного успокоительного – не валокордин же хлебать?

Постепенно мысли потекли ровнее, жизнь приобрела новые краски, а события последних суток перестали казаться зловещими. В конце концов пока от него никто не потребовал головы Серова, а он, как честный человек, даже пытался предупредить того, и не вина Трофимыча, что самолюбивый Серега ничего не захотел понять. Пусть Пылаев и компания попробуют сами сожрать Серова, а старый Мякишев, не ввязываясь в драку, поглядит со стороны, что из этого получится и кто окажется победителем.

К дому Юрика Варгана подъехали на служебных «жигулях»: за рулем сидел Лешка Фролов – опер из отдела Серова, сам Сергей вместе с еще одним подчиненным – Петром Беляевым – устроились на заднем сиденье. Вообще-то Волкодав, как прозвали в криминальной среде Серова, предпочел бы сделать некоторые вещи в одиночку, но предстояло покрутиться, и он решил взять с собой двух ребят. Жаль, старый друг-приятель Володька Тур сломал ногу и еще не вышел с больничного, с ним было бы проще, но он только-только освободился от гипсовых оков и начинал расхаживаться с палочкой.

– Останови, – едва свернули за угол, сказал Сергей, и Фролов послушно приткнул «жигуленок» рядом с первым подъездом длинного многоэтажного дома на Дмитровском.

Серов внимательно осмотрел припаркованные машины, пустую в этот час детскую площадку с непонятными конструкциями из разноцветных труб, перевел взгляд на обветшалую беседку, где по вечерам наверняка собирались доминошники, и, не заметив ничего подозрительного, попросил:

– Леш, вон ту красную тачку толкни слегка, чтобы заорала, и сразу отгоняй назад, а потом подтянитесь к подъезду и ждите.

– «Алеко»? – уточнил Фролов. – Могу бампером покачать.

– Вот именно, качни, – кивнул Сергей и вышел из машины.

Внимательно посматривая по сторонам, он медленно направился к четвертому подъезду, думая, что хорошо, когда свет не сходится клином на таких скользких типах, как Фомич, а есть и более словоохотливая публика. Именно от одного из «говорунов» Сергей вчера узнал, что автомобили для бригады, расстрелявшей нефтяного бизнесмена, добыл не кто иной, как Юрик Варган по кличке Варта. Водились за ним и другие грешки, но сейчас они интересовали Серова значительно меньше, чем возможность выйти на бригаду киллеров.

Естественно, Юрик вряд ли проявит энтузиазм и сознательность, согласившись добровольно помочь ментам, поэтому Серов намеревался его вразумить по-своему. В принципе нефтяной ворюга получил то, что давно заслужил, и жалеть его не стоило – одни преступники, вооруженные автоматами, свели счеты с другим, который с помощью денег, лжи и мошенничества бессовестно обкрадывал народ и государство. Однако государство почему-то не пресекало его преступной деятельности, зато ее пресекли обманутые им «серьезные люди», которых он нагло «кинул» на несколько миллионов баксов на поставках нефти. Вот только они не учли, что способ «пресечения» может очень не понравиться некоторым парням, все еще стоящим на страже Закона.

Сергей поднялся по щербатым ступенькам, прислонился спиной к прогретой солнцем двери подъезда и махнул рукой. «Жигуленок» тихо пополз вперед, четко пристроился позади красного «алеко» и боднул его бампером. Уши сразу же заложило от истошного вопля сигнализации.

Услышав гулкий топот на лестнице, Серов отступил в сторону и, как только из дверей выскочил курчавый парень в линялой майке и тренировочных штанах, ловкой подножкой сбил его с ног. Не давая курчавому опомниться, Сергей заломил ему руку за спину, запустил пальцы в густую шевелюру и рывком поднял на ногу.

– У-у, падло! Тварь! – рванулся парень, но Серов держал мертвой хваткой. Он подтолкнул курчавого в сумрак подъезда:

– Иди, Варта, не то клешни выломаю.

Небрежно отшвырнув ногой в сторону выпавшую из рук Варты монтировку, Сергей повел его вверх по лестнице.

– Кто у тебя дома?

– Да я... Ай! Ты чего? – последние слова парень произнес уже шепотом, так как согнулся от боли.

– Не шуми! Кто еще в квартире?

– Вовчик.

– Вышиваный?

– Он, но косой.

– Хорошо, пошли.

Варта покорно пошел впереди, не желая больше испытывать судьбу и оставаться калекой: тот, кто так неожиданно прихватил его, выманив на звук сигнализации автомобиля, был здоров как бык и, судя по всему, не собирался шутить.

Владимир Домкин, получивший за множество украшавших его тощее тело татуировок кликуху Вышиваный, Серову был знаком, но интересовал мало – с пьяных глаз Вовчик мог наболтать сорок верст до небес, но не более того. В криминальном мире его еще помнили и угощали «старички», вроде Варты, а молодые, особенно еще не нюхавшие зоны беспредельщики, под горячую руку могли и пришибить назойливого слюнявого выпивошку, когда-то попортившего операм немало крови.

Остановившись у приоткрытой двери квартиры, Сергей осторожно толкнул ее ногой и прислушался: кажется, тихо? Подталкивая впереди Юрика, он вошел в комнату, где за уставленным бутылками столом в одних «семейных» трусах сидел покрытый синими разводами наколок Вовчик. При виде Серова он удивленно выпучил глаза и открыл щербатый рот.

– О! Гражданин начальник?

Сергей отшвырнул Варту на диван и сунул Вышиваному в руки недопитую бутылку:

– Иди, прохладись в ванной, нам переговорить надо. Давай, не задерживайся!

Он сам открыл дверь в санузел, зажег свет, втолкнул туда Вовчика, запер его на шпингалет.

– Ну, ты! Тварь позорная, – Юрик допил оставшуюся в стакане водку и уставился на подполковника выпуклыми, полными лютой ненависти глазами. – Волкодав проклятый! Я тебя загною, жалобами урою! Ты чего себе позволяешь, ментяра?!

– Сбавь тон, – Серов присел на табурет. – Сожительница твоя где?

– Пошел вон! – прошипел Варган. – Ордер у тебя есть? Нет? Вали из моей квартиры! Сегодня же прокурору...

– Успеешь, еще с ним лично повидаться, – заверил Сергей. – И за ордерочком дело не станет: грехов на тебе, как на жучке блох.

– Мои грехи, мне в них и каяться, – огрызнулся Юрик. – Тебя в исповедники не звали.

– Ошибаешься! Как раз самая пора настала передо мной исповедаться. Скажи-ка, кому сдал синюю «ауди»?

– Ничего не знаю! Иди вертухаям плети про всякие «ауди», а мне нечего шить, чистый я весь, как стекло. Понял?

– Понял, – кивнул Серов. – Кипятишься, потому как знаешь, что на этой машине поехали кончать Кашпура. А тебя подставили, не предупредив, зачем нужна тачанка. Если бы знал, ни за что бы не подписался на это дело. Разве не так, Юрик?

– Перестань, – кисло сморщился уголовник. – Ну что ты, в самом деле? Недоумком меня считаешь? Надеешься, что я, как Павлик Морозов, сейчас всех подряд сдавать начну? Тьфу, дурак! Только и можешь, что морду бить и руки выламывать, а ума у тебя ни на грош! Решил срок припаять? Паяй, Волкодав гребаный, паяй!

– Насчет моего ума не тебе судить, – набычился Серов. – А вот Вышиваный протрепется, что я приехал и тебя взял, а потом возьмут еще кое-кого, и все тогда решат: Варта ссучился и настучал, когда его за хобот потянули. И срок я тебе припаяю за все грехи, в которых ты каяться не желаешь, а отмыться от подозрений не дам, и устроят тебе правилку на толковище. Там и доказывай своим корешам, как ты грозился на меня прокурору писать и из дома хотел выгнать. Может, поверят?

– Сука ты!

Юрик незаметно положил руку на кухонный нож, которым они с Вовчиком кромсали хлеб, но подполковник заметил и серьезно предупредил:

– Не усугубляй! Не то действительно руки переломаю, не пожалею. А ордерочек – вот он!

Сергей достал бумагу и показал ее оцепеневшему Варте – тот никак не ожидал, что его сейчас арестуют, а искренне был уверен: мент блефует, пытается взять на понт и вытянуть из него имена других людей в цепочке, связанной с киллерами-гастролерами.

– Можешь выпить еще, а то надолго заговеешь, – милостиво разрешил Серов.

Конечно, очень плохо, что не удалось раскрутить Варту с ходу, но по крайней мере хоть прикроет им своих осведомителей, пустив слух по камерам, что Юрик поторговался и кое-кого отдал ментам. Пусть некоторые посчитают это подлостью, но что остается делать: с волками жить...

Бумага, которую показал мент, была Варгану слишком хорошо знакома, поэтому он не заставил себя уговаривать, а тут же сорвал жестяную крышечку с бутылки, налил полный стакан, выпил и подозрительно прищурился:

– Чего это ты такой добренький сегодня? Обыск будешь делать?

– Как положено, – усмехнулся Серов и предложил Юрику сигарету: когда наступила полная ясность в отношениях, чего лишнего собачиться? – У меня внизу люди и машина.

– Понятно. Я допью?

– Допивай, небось с ног не свалишься?.. Скажи-ка мне, Юрий, так, не для протокола, ты Хафиза знал?

– Нет, – мотнул головой Варта, жадно запихивая в рот немецкую ветчину. – Не встречались.

– А Лечо? Тоже нет? Ну уж Самвела ты должен был знать!

– Киллер? Как же, слышал, но я с кавказцами предпочитаю дел не иметь. А чего ты про них выпрашиваешь? Болтали, они все давно в раю.

– Кто знает, в раю или в аду? – меланхолично заметил Сергей. – С ними еще крутился Лева Зайденберг из фирмы «Дана», дружок некоего Сергея Сергеевича.

– Не путался бы ты в эти дела, – отводя глаза в сторону, с тоской вздохнул уголовник.

– Почему?

– Чего почему? – вдруг взорвался Варта. – Пристал, как банный лист к заднице! Делай свой обыск и вези меня куда следует! Нечего тут в душу лезть!

«Боится, – понял Сергей. – Смертельно боится. Даже если ничего не знает, предпочитает на эту тему вообще не говорить. Что же его так пугает? Неужели призраки Хафиза и Самвела? Или здравствующий ныне Сергей Сергеевич, о котором в криминальных кругах тоже слышаны?»

– Возьмите понятых и поднимайтесь, – Серов вызвал по рации оставшихся в машине сотрудников...

Он вернулся в управление и едва успел войти в кабинет, как раздался телефонный звонок.

– Зайди! – услышал Сергей голос Мякишева в трубке, и тут же записали гудки отбоя.

Серов спустился на третий этаж, для проформы стукнул костяшками пальцев по филенке и приоткрыл дверь в кабинет.

– Разрешите, Александр Трофимович?

– Заходи, – буркнул Мякишев, не вынимая сигареты изо рта. – Садись. Взял Варту?

– Да.

– На обыске что существенное обнаружили?

– Так, мелочевка.

– И что теперь? Работать с ним будешь? А если замкнется, что тогда?

– Не исключено, что и замкнется. Но он реальная нитка к гастролерам, убравшим Кашпура.

– М-да, – крякнул Трофимыч. – А почему, блин, ты опять сам во все лезешь, как простой опер? Думаешь, Мякишев сидит тут в управе и ничего не знает? Ошибаешься, блин! Уже слышан, как ты на крылечке Юрику крылья выламывал!

Присказка «блин» свидетельствовала, что шеф в крайнем раздражении, и Серов решил не вступать с ним в пререкания: пусть выпустит пар. С одной стороны, он безусловно прав, но с другой – серьезные дела нужно делать собственными руками. Сергей отнюдь не собирался превращаться из оперативника в полицейского чиновника-администратора – их и так более чем достаточно. Зато хороших сыщиков всегда не хватает!

– Ты же исполняешь обязанности начальника отдела, – бухтел Трофимыч. – Учи людей, как действовать, показывай пример, я не возражаю, но перестань вести себя, словно один ты все знаешь и умеешь! Когда я был начальником вашего отдела, я разве вязал тебе руки, не давал инициативы?

В ответ на эти патетические речи Сергей лишь наклонил голову, чтобы спрятать ехидную улыбку.

– У тебя вакантно место зама, – Трофимыч надел очки и подвинул к себе бумагу, лежавшую на столе. – Руководство управления решило назначить к тебе Пылаева Аркадия Петро-

вича. Он человек не косный, возьмет на себя бумажотворчество и контроль за личным составом, а ты потянешь оперативную линию. Вот и будет нормальный тандем.

– Он же в сыске не смыслит, – вскинул голову Серов.

Новость о назначении к нему в отдел заместителя его удивила, но не обрадовала: Мякишев просто так никогда ничего не делает. Если, конечно, Аркашку назначили с его подачи. Однако про Пылаева ходили среди оперативников разные слухи, и, вполне вероятно, Трофимыч тут явился просто исполнителем воли вышестоящего руководства. Как бы там ни было, новость неприятная.

– Ничего, не боги горшки обжигают, – шеф отложил бумагу. – Ты тоже не с пистолетом под мышкой родился. И давай не будем обсуждать приказы руководства! Тебе дали зама, и работайте вместе. Вместе! Ты понял, Серов?

– Понял.

Сергей встал, намереваясь уйти: разговор явно закончен и недовольство Трофимыча было всего лишь прелюдией к сообщению о назначении Пылаева. Как бы неким обоснованием этого шага.

– И сработайтесь, пожалуйста. – Мякишев сунул в горку дымящихся в пепельнице окурков еще один и предупредил: – Я не собираюсь выслушивать ваши жалобы друг на друга и разбирать тяжбы. Идите, подполковник! Я подал представление о назначении вас не исполняющим обязанности, а начальником отдела.

Вопреки прогнозам, Лева продержался довольно долго и сломался лишь под утро – всю ночь ему не давали спать, Валериан методично натягивал на голову полиэтиленовый пакет, и даже самые слезные мольбы не трогали его каменного сердца. В результате Зайденберг сидел в собственных нечистотах и блевотине, страдая от удушья, голода и невыносимой жажды. Но более всего он желал заснуть, хоть на десять минут! Что стоит этой треклятой обезьяне дать ему поспать, пусть совсем немножко, а потом хоть потоп: все равно изуверство не прекратится.

– Все, все, – захлебываясь словами, торопливо засипел Лева, когда Валериан в очередной, уже неизвестно какой по счету раз подступился к нему с ненавистным пакетом. – Все, хватит! Я согласен! Где твой хозяин?!

– Ну, гляди, – толстый палец громилы больно нажал Зайденбергу на нос. – Я тебя за язык не тянул! Если решил динамо покрутить...

– Нет, нет, какое динамо? Хватит этого кошмара. Прекратите меня мучить, я согласен на переговоры.

– Какие еще переговоры? – набычился Валериан, расправляя ужасный пакет. – Ошизел?

– Я хотел сказать, на ваши условия, – тут же поправился Лева.

Прибьет еще, тупоумная горилла. У таких кулаки всегда впереди мозга, которого вообще нет. Стоит ли пытаться объяснить что-либо неандертальцу в модном костюме?

Валериан скомкал пакет и, к немалому облегчению Зайденберга, спрятал его в карман. Вытряхнув из пачки сигарету, сунул ее в рот пленника. Услужливо поднес огонек зажигалки, и Лева блаженно затянулся, ощущая, как приятно закружилась голова.

Тем временем его мучитель связался с кем-то по телефону и, сложив трубку, буркнул:

– Щас будут.

– Пить дай, – осмелел Зайденберг.

– Обойдешься!

Валериан вытащил у него изо рта сигарету, затушил ее о мокрые брюки Левы, бросил на пол и, не сказав больше ни слова, вышел, плотно притворив за собой дверь. Лева тут же уронил голову на грудь и заснул.

Проснулся он минут через сорок, когда появился высокий мужчина в светлом костюме с видеокамерой в руках. За ним следом вошел лысоватый блондин с рысьими глазами.

– Фу-у, ну и вонизм! – он сделал шаг назад и позвал: – Валериан! Пусть наведут порядок, я не могу работать в таких условиях.

Немедленно появились люди, отстегнули ошалевшего Леву от кресла, стащили с него грязную одежду, дали простыню, чтобы прикрыл наготу, и стакан холодного апельсинового сока. Потом отвели в туалет и поставили под душ, ни на секунду не оставляя в одиночестве. После душа шоумен получил длинный махровый халат, шлепанцы, пачку сигарет и зажигалку. Молчаливые охранники провели его в обставленную мягкой мебелью комнату, где за столом сидел лысоватый блондин, а в стороне устроился с камерой мужчина в светлом костюме.

Зайденберга усадили на диван, и Лева понял: пытаться пересечь не стоит. Валериан подкатил к дивану сервировочный столик с кофейником, тарелочкой бутербродов, кувшином холодного сока и пепельницей. Лишь только за охранником закрылась дверь, лысоватый блондин предложил:

– Пейте кофе или сок и давайте беседовать. Итак, кто вас вывел на Сергея Сергеевича?

– Владислав Шамрай, – Лева налил себе кофе и закурил. Есть не хотелось, а вот взбодриться не мешало. К тому же беседу записывали на видео, но в кадре постоянно находился лишь Зайденберг. Ну что же, здесь своих условий не подиктуешь.

– Вы с ним были знакомы ранее? Знали, что он высокопоставленный чиновник?

– Да нет, я его совершенно не знал, но у меня был знакомый, некий Миша Зац, который нас и свел, когда мне понадобилось как следует раскрутиться.

– Что вы имеете в виду?

– Сделать хорошие деньги в рекордно короткие сроки. Естественно, я обещал отблагодарить за услуги, то есть поделиться.

– И Владислав Борисович помог?

Лева слегка потупился, затягиваясь сигаретой: вновь сидеть в луже мочи с полиэтиленовым мешком на голове не хотелось, но и полностью отдаваться во власть тем, кто его захватил, тоже нет смысла. В принципе он догадывался, в чьи руки попал по собственной глупости и мечтал лишь об одном – остаться в живых и сохранить хотя бы часть денег. А Шамрай с Сергеем Сергеевичем пусть позаботятся о себе сами!

– Да, он помог, но взял хороший карбач, как говорят в Одессе, потребовал свой процент.

И Зайденберг начал рассказывать, как Владислав выводил его на администрацию различных областей России, где устраивались концерты на самых выгодных условиях и практически без посредников. Деньги текли рекой, в бригады Левы стремились попасть все певцы и музыканты. Эстрадники просто молились на него. Вот тогда-то Шамрай прямо предложил ему уйти с наворованными деньгами на Запад. Так Зайденберг познакомился с Сергеем Сергеевичем и его подручным Хафизом. Но потом все не заладилось, и Лева остался. Хафиз и его дружки погибли в стычке с милицией, а Сергей Сергеевич исчез.

– Больше ты его не видел? – спросил лысоватый блондин.

– Нет, и даже не пытался искать, – предваряя возможные вопросы, сразу внес ясность Зайденберг. – Зачем искать на свою задницу приключения? Они и так успели обусть меня на три миллиона долларов.

– Прилично. Но еще осталось? Надо поделиться! Отдаешь два лимона в баксах и гуляй со своей лохмушкой.

– Помилуйте, – руки Левы задрожали, и темная капля кофе упала на пол, исчезнув в густом ворсе ковра. – Откуда же столько?

– «Мене, текел, фарес!» Так, кажется, невидимая рука написала на стене, если верить библейским текстам? – усмехнулся лысоватый. – У нас тоже все просчитано и взвешено, дорогой Лев Маркович. Не надо излишней скромности. Обули вас не на три, а на пять миллионов, а осталось у вас не меньше трех, не считая того, что раньше вы успели перевести за границу.

Кстати, при помощи тех же Михаила Заца, ставшего гражданином Израиля, и Владика Шам-рая. Хотите, я назову банки, номера счетов и суммы?

– Зачем? – Зайденберг почувствовал себя так, словно ему опять натянули на голову полиэтиленовый пакет. – Это лишнее... Но я клянусь, осталось меньше двух! Чем хотите поклянуться! – Он сполз с дивана и встал на колени, молитвенно сложив руки. Особенно рассчитывать на успех не приходилось, но если есть хоть один шанс из ста выторговать у похитителей уступки, надо попытаться его реализовать. – И гарантии? – вполне натурально всхлипнул Лева. – Я хочу остаться в живых.

– Дашь два и катись за границу, это мой тебе совет, – нахмурился лысоватый блондин. – Считай, что купил себе индульгенцию. Сколько тебе надо времени, чтобы умотать?

– В десять дней уложусь, поверьте!

– Много, – впервые за все время разговора подал голос мужчина в светлом костюме. – Трое суток, считая сегодняшний день, и ни часу больше. Деньги где, на квартире?

– Да, – Зайденберг судорожно сглотнул. Неужели они действительно отпустят его? А почему бы, собственно, и нет? Не пойдет же он заявлять в милицию или прокуратуру? Не пойдет! И считать они не умеют, хотя и хвастаются: у него даже после всех расчетов с этими бандюгами останется не меньше двух с половиной миллионов долларов, а на счетах за рубежом и того больше. Что он, не сможет купить себе выезд без всяких хлопот? Да его на руках отнесут к трапу самолета.

– Поехали! – Блондин с рысьими глазами встал. – Поехали, Лев Маркович, не станем откладывать реализацию нашего соглашения.

– Так? – Лева приподнял полы халата.

– Зачем, костюмчик уже почистили.

Действительно, Валериан принес вычищенный и выглаженный костюм и свежую рубашку. Пленнику выдали чистые носки и новые туфли. Он переоделся и, в сопровождении двух бугаев, сел в уже печально знакомую машину, которую опять подогнали прямо к дверям подъезда.

– Пардон! – один из охранников надел на глаза пленнику темную повязку на резинке, вроде тех, какими пользуются на Западе, чтобы заснуть при ярком свете.

Мотор заурчал, и машина тронулась. Мысленно Зайденберг взмолился всем богам, чтобы они спасли его и сохранили от напастей: он даст денег всем церквям, коли выберется из этой передраги живым и здоровым. Жалко, что ли? Пусть получают свое и ксендзы, и православные попы, раввины и муллы. Да хоть брахманы или брамины – как их там? – только бы проклятые бандиты дали ему трое суток. Завтра его здесь никто не найдет! Надо быть дурнее паровоза, чтобы так бездарно подставляться: уж если ехать не за границу, то хотя бы прочь из Москвы. Куда? Да хоть в тот же Киев, где у него сохранились приличные связи и есть давняя любовница...

Повязку с глаз сняли, когда машина остановилась неподалеку от дома. Проходя через двор к подъезду – всего-то десяток шагов, – Лева успел бросить взгляд на стоянку и с удивлением отметил, что его жигуленок как ни в чем не бывало стоит на обычном месте. Хорошо, если в него не заложили мину. Поэтому, если отпустят – в чем он сомневался, но старался гнать такие мысли, – лучше поймать левака или даже купить новую машину.

Поднялись наверх. Позади, замыкая небольшую процессию, шли лысоватый блондин и его приятель в светлом костюме. Лева пооткрывал многочисленные замки и первым вошел в коридор. Из гостиной выглянула Лола в пеньюаре и, увидев незнакомых людей, пискнула, как мышка.

– Не волнуйтесь, мадам, мы вас не беспокоим, – галантно раскланялся блондин и обернулся к Зайденбергу. – Где техника? Не хотелось бы оставлять о себе долгую память.

– Да, да, я понимаю, – закивал Лева и провел незваных гостей в кабинет.

Мужчина в светлом костюме сноровисто открыл шкаф, вынул из видеомэгнитофона кассету, забрал все использованные и чистые кассеты, лежавшие на полочке, и аккуратно отсоединил провода от блока питания. Лева с видом обреченного на казнь молча смотрел на это. А что тут можно сказать?!

– Теперь деньги, – напомнил блондин, и Зайденберг покорно поплелся в другую комнату. Оглянувшись, он встретился взглядом с неестественно расширенными, горящими странным огнем глазами Лолы. Нанюхалась она, что ли, чего или обкурилась?

В малой гостиной, как привык Лева именовать это помещение, он опустился на колени около окна, снял плинтус, запустил руку в образовавшуюся щель, поднял часть пола и открыл тайник, в котором лежал объемистый металлический кейс, обтянутый серой искусственной кожей. Лола едва смогла сдержать рвавшийся из груди дикий крик отчаяния: сколько раз она ползала тут на коленях и не могла догадаться?! Если бы знала, все плинтусы в квартире давно поотрывала, а потом оторвалась сама с баксами, но теперь надо присутствовать на действе до конца, иначе Борис Матвеевич быстро найдет способ оставить тебя без взяток.

Зайденберг поставил кейс на стол, покрутил колесики наборного замка и поднял крышку – взорам присутствующих предстали плотно уложенные ровненькие пачки столондолларовых купюр.

– Вот, здесь все, – голос Левы предательски дрогнул. – Будете считать?

– Непременно, – заверил Борис Матвеевич. – Давайте машинку!

Один из сопровождавших его охранников вынул из сумки портативную счетную машинку и включил ее в сеть. Другой начал вынимать из кейса пачки денег. Машинка тихо загудела, и послышался характерный шелест, который многие считают самым приятным в мире звуком.

– Купюры старые, – негромко сказал Иван Дмитриевич. – Надо через детектор прогонять.

– Естественно, – согласился Борис Матвеевич и неожиданно обернулся к Лоле: – А что, мадам, в этом доме найдется выпить и закусить? Неплохо бы отметить наш договор.

Проститутка нерешительно пожала плечами, явно не зная, как быть, и вопросительно посмотрела на Зайденберга. Тот утвердительно кивнул: выпить рюмку и правда не помешает, по крайней мере, поможет снять нервное напряжение. Лола пригласила всех на кухню, где быстро выставила на стол несколько бутылок из холодильника и подала закуски.

– Налей хозяину полный стакан, – приказал Борис Матвеевич, и женщина не посмела его послушаться. Лева, словно загипнотизированный рысьим взглядом, одним махом опрокинул в себя спиртное, не чувствуя его вкуса.

– Давай еще, – засмеялся Иван Дмитриевич, – а то он никак не расслабится.

Под их присмотром шоумен выпил один за другим три стакана, и тогда слегка зашумело в голове и происходящее перестало казаться пугающе странным. Бледная Лола подливала и подливала, и было слышно, как тонко позванивает горлышко бутылки, ударяясь о край стакана, – у проститутки руки ходили ходуном, и она боялась пролить водку на скатерть или – упаси Бог! – на брюки сидевшего рядом Бориса Матвеевича.

– Не, я все, – заплетающимся языком выговорил Лева, но ему в руки сунули стакан и помогли донести его до рта. Он сумел принять лишь половину и привалился спиной к стене, глядя в пространство мутным взором.

– Там немного меньше двух лимонов, – доложил заглянувший на кухню Валериан.

– Плевать, – отозвался так ни к чему и не притронувшийся Борис Матвеевич. – Забираем что есть. Кстати, его машинка у тебя? Покажи ей! Это его пистолет?..

Валериан достал из кармана завернутую в носовой платок «беретту». Лола взглянула на нее и подтвердила:

– Он самый. Я уже вещи собрала, как знала, что вы приедете. Дайте мою долю, и пойду я. А, Борис Матвейч?

– Конечно. Как договорено. Расплатись, Валериан!

Грохнул выстрел. Лола отшатнулась, еще не понимая, что так сильно толкнуло ее в грудь, прямо туда, где сердце, и почему вдруг стало темно. Неужели наступила ночь? А пули входили в ее тело одна за другой, разрывая грудь, которой проститутка гордилась – еще бы, такой прекрасный бюст без всякого силикона!

Всадив в женщину всю обойму, Валериан бросил «беретту» рядом с осевшей на пол Лолой и убрал платок в карман брюк. Борис Матвеевич поднялся.

– Пошли. Не люблю запах пороха, в горле першит. Дайте этому придурку таблеточку, и пусть отдыхает, – он кивнул на пребывавшего в состоянии полной алкогольной прострации Леву.

– Может не подействовать, – деловито заметил Иван Дмитриевич. – Выжрал много.

– Значит, дайте две! – повысил голос Борис Матвеевич. – Нужно, чтобы он спал, а к вечеру позвоним ментам, пусть забирают придурка. Кажется, там есть один на Петровке, кто им сильно интересуется. Доставим человеку маленькую радость... Все тут протереть, еще раз проверить аппаратуру, чтобы никаких следов, но дверь не запирать! Не стоит осложнять жизнь ментам, им сейчас и так не сладко, тем более с их-то мозгами.

В доме, стоявшем на другой стороне двора, в квартире, выходившей окнами на подъезд Зайденберга, круглые сутки работала телекамера: ночью съемка проводилась в инфракрасном режиме, и весь отснятый материал записывался специальным видеоманитофоном. Сергей Сергеевич и его люди приложили немало усилий, чтобы найти и заполучить эту квартиру, из которой можно вести визуальное наблюдение за домом и подъездом Левы, поскольку от электронного проникновения квартиру Зайденберга защитил еще ее прежний хозяин. Кроме этого пришлось тайком, ночью, спилить пару толстенных веток на тополе, мешавших нормальному обзору.

Соваться в оснащенную разными электронными штучками и сигнализацией квартиру без предварительной разведки не стоило, поэтому камера и работала круглые сутки, фиксируя все происходящее во дворе, около подъезда и постоянно снимая окна, в надежде, что вдруг шторы приоткроются и удастся заглянуть за стекла.

Дважды в день отснятый материал забирал доверенный человек: он приезжал то на такси, то на иномарке, то на мотоцикле. Быстро нырял в сумрак подъезда и уже не спеша поднимался вверх – здесь камеры Левы его засечь не могли. Сменив кассету, он отвозил отснятую на конспиративную квартиру, где ее просматривали и готовили сводку; куда и кому она уходила, исполнители не имели представления.

Обнаружить берлогу Зайденберга и даже узнать, кого он там пригреб, не составило особого труда, а вот терпеливо выждать удобного момента для решительного удара оказалось куда сложнее: легко ли сносить глухое недовольство хозяев, готовых в любой момент спустить на тебя полкана за то, что проклятый Левка все еще топчет землю, и за то, что его язык еще не окостенел, а мозги не превратились в холодный студень, не способный ни помнить, ни рождать новые мысли. И за то, что его деньги все еще при нем!

Проще всего было посадить в конспиративной квартире снайпера и, как только Зайденберг выйдет из подъезда – а он время от времени покидал свою нору, – всадить ему в голову разрывную пулю. Вот и вся игра! А нанятые Левою телохранители пускай сколько угодно озираются по сторонам, выставив свои пукалки: тот, кого они должны оберегать, превратится в труп. Смерть украдет его у них прямо из-под носа, а снайпер сможет спокойно уйти, не замеченный никем. Однако подобное разрешение проблемы при кажущейся простоте таило в себе и массу сложностей.

Убийство – всегда убийство: нет разницы, зарезали, прибили пустой бутылкой по голове или сняли снайперским выстрелом. Все одно приедут следственно-оперативные группы – а

уж когда пальнет снайпер, в этом и сомневаться не приходится, – разные эксперты, люди из безопасности, прокуратур и прочая чиновная публика в погонах, чтобы начать допытываться, кто и за что отправил в мир иной гражданина Николаева.

Не стоит их всех считать недоумками или полными кретинами, довольно скоро выяснится, что никакой это не Николаев, а бывший шоумен и хозяин фирмы «Дана» Лев Маркович Зайденберг, который был знаком с неким Хафизом, которого зарезали в камере следственного изолятора... И потянется ниточка, а куда и как она приведет, никому не известно. Лучше подобных осложнений избежать и поступить так, чтобы все «заинтересованные лица» остались довольны...

Ровно в полдень из остановившегося на набережной такси вышел молодой человек в светлых джинсах и пестрой рубашке. Быстрым шагом он обогнул угол дома и, войдя в подъезд, взбежал по лестнице вверх. На четвертом этаже он отпер дверь квартиры, захлопнув ее за собой, и шустро кинулся на кухню, чтобы выключить сигнализацию, готовую подать сигнал тревоги.

Сменив в видеомагнитофоне кассету, молодой человек вновь включил сигнализацию и, помня о том, что у него есть всего тридцать секунд до срабатывания, немедленно покинул квартиру.

Через полчаса кассета на конспиративной квартире. Отпустив курьера, технарь взял материал и включил видео. Он уселся в продавленное кресло перед телевизором и закурил – ожидать нового и интересного здесь нечего, все уже известно наперед. Единственное, надо отметить, когда вернулся Зайденберг, а куда он ездил, не их дело: вне дома за ним приглядывали другие люди.

На экране мелькали кадры, в нижнем левом углу белели цифры, указывавшие дату и время съемки. Как и ожидалось, не происходило ничего существенного в сонном царстве прокаленного летним солнцем тихого московского двора.

Вот появилась машина Левы. Но на стоянку ее припарковал не Зайденберг, а совершенно незнакомый молодой мужчина!

Сидевший у телевизора технарь насторожился и, не отводя глаз от экрана, крикнул:

– Таранин! Давай сюда! Скорее!

Прибежал напарник, и оператор заново прокрутил кадры с парковкой «жигулей», а дальше их ждали еще более интересные открытия. К подъезду прошествовал неизвестно откуда появившийся Лева. Его сопровождали накаченные парни, а потом подкатила темная иномарка, из которой вылезли высокий мужчина в светлом костюме и лысоватый блондин в легких брюках и куртке.

– Шлыков! – указывая на него, ошарашенно прошептал Таранин. – Сам Шлыков! Ну, дела!

Он схватил трубку сотового телефона и торопливо набрал номер, по которому звонили лишь в экстренных случаях. Именно такой случай сейчас!

– Это Таранин, – услышав ответ, назвал его. – Объект вернулся под конвоем, а потом приехал Шлыков.

– Борис Матвеевич? – недоверчиво переспросили на том конце провода.

– Да, он. У нас есть его фото. И с ним, похоже, Иван Иншутин. Высокий такой, с пышной шевелюрой с проседью.

– А женщина?

– Она вообще не выходила.

– Вы случаем не ошиблись насчет Шлыкова и Иншутина? – вкрадчиво спросили у Таранина, и тот чуть не задохнулся от негодования: вечно руководство хочет быть святее самого папы римского, а исполнителей подозревает во всех смертных грехах.

– Можете приехать и просмотреть запись, – сухо ответил он. – Или мы пришлем ее вам с нарочным.

– Не нужно. Когда они там появились?

– Примерно час назад, может быть, немногим больше. Если нужно, могу назвать точное время.

– Продолжайте работу, подготовьте подробную сводку и ждите дальнейших указаний. Возможно, технику сегодня же придется демонтировать...

Человек, которому звонил Таранин, положил трубку и задумался: судя по всему, Боря Шлыков, всегда отличавшийся резвостью, раньше всех вышел на притаившегося Зайденберга и взял его в оборот. А подлецы из наружного наблюдения, которые вчера вели Левку, сказали, что потеряли его. Наверняка их просто умело отсекали от объекта, и они, сукины дети, это поняли, но, не желая рисковать задницами, придумали версию потери. Ладно, придет время, и с них спросится.

Вновь сняв трубку, он набрал номер и властно приказал: – Группу к Левке! Немедленно. Там Шлыков и Ванька. Пусть не церемонятся, но лучше хозяина и гостей взять живыми. И быстрее, черт бы вас побрал!

Отодвинув телефонный аппарат, он закурил и выпустил к потолку струю сизого дыма. Теперь он уже не властен над событиями, и остается только ждать...

Глава 3

Спать Серов обычно ложился поздно, но сегодня то ли жара измотала, то ли наступил предел отпущенных ему сил, и Сергей завалился вскоре после девяти. Хотелось полежать, покурить, почитать книжку, наслаждаясь покоем и ничегонеделанием, что в последнее время случалось так редко. Постоянно приходилось куда-то бежать, кого-то задерживать, допрашивать, проверять полученные от осведомителей сведения, собачиться с начальством и, кроме всего, проявлять чудеса находчивости, смекалки и изворотливости, чтобы слишком явно не нарушать далеко не совершенный уголовный кодекс.

Постелив на диван свежую простыню и бросив на нее подушку, Сергей разделся и лег: может, так будет прохладнее? Он включил вентилятор, направил его на потолок и закурил. Хотел взять с тумбочки номер иллюстрированного журнала, но вдруг понял, что не сможет сейчас читать и бездумно разглядывать яркие картинки. Серая ленточка табачного дыма притягивала взгляд и, словно завожив, будила воспоминания не только души, но и тела, которое настоятельно требовало своего. В конце концов он же здоровый тридцатипятилетний мужчина!

Ах, как некстати, как не вовремя серая ленточка дыма, похожая на ведущую в былое прозрачную тропинку, поманила и увлекла в давно прошедшие, полные жаркой любви и безумной неги ночи, которые он проводил с Лариской Рыжовой в ее роскошно обставленной двухкомнатной квартире. Боже, каким же упоительно сумасшедшим было то незабвенное время, когда они никак не могли насытиться друг другом, отдавая себя без остатка и желая, чтобы невообразимый пир страсти и плоти длился как можно дольше, а лучше всего – вечно!

Да, все это крайне не ко времени и нужно гнать от себя воспоминания о Ларискиных руках, умевших быть нежными, ласковыми, но очень настойчивыми, если она считала, что пыл любви начал угасать. О ее губах, чуть касавшихся уха и легко щекотавших его, нашептывая нежные слова... Гнать, гнать прочь, иначе ни за что не заснуть! Ведь он порвал с Лариской, когда в его жизни появилась Эльвира. Или только кажется, что порвал, – ведь они расстались так и не объяснившись, и у него в столе до сих пор лежат запасные ключи от ее квартиры? А что, если сейчас поехать к ней, открыть дверь и просто сказать: «Здравствуй, это я». Не поменяла же она замки в стальной двери? Это накладно, а ее папаша исчез с украденными у акционерного общества деньгами и, если верить данным Интерпола, распростился с жизнью где-то у берегов Северной Африки. Куда только баксы не заведут русского человека, особенно если он не в ладах с Законом?!

Да нет, не поедет он к Лариске, все это бред на сексуальной почве: какие встречи, если она вновь заведет разговор о том, как бы добыть деньги отца?! Уж лучше ждать возвращения с гастролей милой блондиночки Элочки Ларионовой. Но пока дождешься, начнешь потихоньку сдвигаться умом от длительного воздержания. Получается, выход один – завести себе временную подружку, закрутив с ней ни к чему не обязывающую любовную интрижку? Не уходить же на самом то деле с головой в работу отдавая ей всего себя – она и так отбирает слишком много сил, чтобы приносить в жертву последнее. К тому же прав отец – всех преступников не пересажаешь. Прискорбно, но факт!

– А-а, черт! – глухо выругался Сергей и натянул простыню до макушки. Дернула его нелегкая предаваться воспоминаниям: теперь уж точно не заснешь.

За стеной, в гостиной работал телевизор и тихо звякала посуда – отец и тетя Клава, заменившая Сергею давно умершую маму, пили чай. Пойти, что ли, к ним, отвлечься на телевизионное вранье и мирную беседу со старичками? Все равно благие намерения пораньше лечь завели его на дорогу в ад воспоминаний, с которой, единожды ступив на нее, не так уж просто сойти.

Он заворочался под простыней, и тут в гостиной раздалась мелодичная трель телефонного звонка, и Серов замер: вдруг это звонят ему? И вдруг – чего только в жизни не бывает? – это Лариска или решившая нарушить обет молчания Эльвира?

– Что? Нет, он дома... Сейчас приглашу.

Это отец, он идет к дверям его комнаты! Серов вскочил и, ничего не спросив, пулей пролетел мимо Ивана Сергеевича к телефону, загадав про себя, что если это...

– Да, Серов у аппарата.

– Сергей Иванович? – раздался в трубке хриловатый басок дежурного, и все очарование придуманной сказки разом пропало, уступив место тривиальной серой обыденщине. Казалось, даже из наушника сочится насквозь прокуренный, пропахший сапожным кремом и мокрым сукном запах дежурки.

– Да, я, – преувеличенно бодро откликнулся Серов. – Что там?

– Я бы не стал беспокоить, – сделал неуклюжий реверанс дежурный, – однако вы оставили сторожевой листок на гражданина Зайденберга...

– Его задержали? Где он? – быстро перебил подполковник.

– Драгоценный ваш отсутствует, – хмыкнул дежурный. – Но в его квартире убийство.

– В какой квартире? – не понял Серов. У Зайденберга не было никакой квартиры: свою он продал и обитал неизвестно где, намереваясь покинуть страну. Неужели обнаружили его лежку? И кого там грохнули? Если самого Льва Марковича, то пиши пропало: еще одна нитка оборвана навсегда и очередной свидетель замолчал до Страшного суда.

– Недалеко от высотки, на набережной. Соседи позвонили, а группа обнаружила труп женщины. Документик там нашли на имя Зайденберга.

– Высылайте машину, – вздохнул Сергей. – Я через десять минут буду у подъезда...

Все места происшествий, связанных с убийствами, казались Серову похожими: вспыхивающие блицы фотоаппаратов экспертов, недовольные следователи, составляющие подробный протокол осмотра места происшествия, задержанные оперативники, рыскающие вокруг, словно гончие псы, в тщетной надежде заполучить хоть какую-то информацию, дающую возможность зацепиться и мотать, мотать...

Войдя в квартиру, Сергей сразу же отметил, что двери в ней словно в крепостной башне – одна сейфовая, со сложной системой сигнализации, электронными замками и телеглазком, а вторая из массивных дубовых плах, между которыми наверняка вогнали стальной лист.

Сержант в замызганной куртке с мятыми погонами, стоявший в прихожей, отдал подполковнику честь и молча показал в направлении кухни. Серов прошел туда.

Тело убитой уже увезли, и на полу с побуревшими пятнами крови остался очерченный мелом бесплотный силуэт. Эксперт возился у стола, кисточкой нанося на бутылки и рюмки специальный порошок для выявления отпечатков пальцев. Судя по всему, здесь прилично выпили, прежде чем отправили в мир иной... Кого?

– Привет! – Сергей кивнул Витьке Майорову, начальнику местной криминальной милиции. – Кого убили?

– Лолу. Она же гражданка Лукина Нина Ивановна.

– Нинка Центровая?

– Она самая, царствие ей...

– Чем ее?

– А вот! – Майоров поднял полиэтиленовый пакет, в котором лежали маленький вороненый пистолет и несколько стреляных гильз.

– «Беретта»? – с первого взгляда безошибочно определил Серов.

– Точно, всю обойму в грудь вогнали, штуку за штукой.

Любопытная подробность, но она более заинтересовала бы репортеров уголовной хроники, чем Серова: он примчался сюда совершенно по иному поводу и теперь горел нетерпе-

нием узнать: какие же следы ударившегося в бега гражданина Зайденберга скрывала эта квартира в тихом престижном квартале?

– Где документ?

– Щас, – сразу понял Витька, – пошли.

Он провел Сергея в дальнюю комнату, служившую спальней. В ней стояли сдвинутые вплотную две широченные двуспальные кровати, покрытые роскошными покрывалами, а стену украшала старинная икона Спаса с огромным зеркалом под ней – все как и положено в доме нувориша: смешение стилей, направлений моды и показная религиозность при полном неверии ни в Бога, ни в людей. Те, кто здесь жил, уповали лишь на силу денег.

– Странно все, – плотно прикрыв дверь, Майоров обернулся к Серову. – Очень странно.

– Что ты имеешь в виду? – Сергей понял, что с документом придется немного подождать, пока Витька не изольет душу.

– Квартира буквально напичкана электроникой! Скрытые камеры следят за двором, автостоянкой, подъездом. Есть даже автономный сильнейший аккумулятор, способный давать ток несколько суток. Двери видал какие?

Серов молча кивнул, еще не догадываясь, куда клонит коллега, но уже чувствуя, что его ожидают не самые приятные новости.

– Так вот, они были открыты, – уныло сообщил Майоров.

– Настежь?

– Да нет, закрыты, но не заперты: мы нажали на ручку и вошли.

– Убийца мог торопиться, – предположил Сергей. – Вот и не запер, а то, может быть, даже не знал, как запереть. Ведь пока не установлено, кто застрелил Нинку. Кстати, ты проверил, есть ли записи с видеокамер?

– Ни одной кассеты, все голяком, – вздохнул Витька. – Там такой пульт с мониторами, но все обесточено и ни одной кассеты. Даже чистых нет. Впрочем, меня настораживает не только это.

– Что еще?

– Никто не звонил нам.

– Как не звонил? – ошарашенно переспросил Серов. – Мне дежурный сказал, что позвонили соседи и сообщили об убийстве. Кто-то же звонил!

– Вот именно – кто-то! Мои бойцы всех соседей обошли, не поленились даже в дом напротив заглянуть. Представь себе: никто ничего не видел и не слышал! И уж тем более не звонил в милицию.

– Не хотят, наверное, чтобы потом таскали на допросы и в суд. Мало кому такое нравится. А кто сообщил: мужчина или женщина?

– Женщина звонила, в дежурку. Полностью назвала адрес и сказала, что стреляли, убили, мол, там кого-то, похоже, слышала крики. Ну, я тут, как только узнал, что соседи отпираются, сам быстренько вместе со следователем прокуратуры провел эксперимент. Прикрыли двери и вышли на площадку, а мои бойцы в квартире вопили во все горло, словно их режут.

– Ничего не слышно? – догадался Серов.

– Точно, – мрачно подтвердил Витька. – Глухо, как в гробнице Тутанхамона. В этих домах из пушки можно палить в квартирах, и никакой сосед ничего не узнает, а тут она, видите ли, расслышала выстрелы из этой хлопушки и крики раненой.

– Вдруг двери были открыты?

– Ну, не знаю, не знаю, – раздраженно ответил Майоров. Он подошел к стоявшей около кровати тумбочке и выдвинул ее ящик. – Вот здесь нашли. Я велел пока не трогать.

Сергей заглянул через его плечо – в ящике лежал пропуск в филармонию с фотографией Зайденберга. Черной тушью на пропуске было жирно выведено: «Зайденберг Лев Маркович». Да, бесспорно этот пропуск принадлежал хозяину фирмы «Дана», но где подтверждения, что

и квартира со всеми ее тайнами и трупами принадлежала тому же Льву Марковичу? Еще по дороге сюда, прямо из машины связавшись с дежурным, Серов уточнил, что данную жилплощадь приобрел некий гражданин Николаев, а утверждать, что Николаев и Зайденберг одно и то же лицо, пока нет никаких оснований.

– Мне дежурный сказал, что это квартира Зайденберга, – обернулся Сергей к коллеге. – Но здесь прописан Николаев? Почему решили, что хозяин Зайденберг?

– Баба эта и сказала, что тут квартира Зайденберга, – раздраженно ответил Витька. Неужели Серов не понимает, как ему сейчас придется вертеться с этим клятым убийством проститутки в неизвестно чьей квартире, битком набитой электронными штучками, словно правительственный особняк или секретный объект оборонного значения?

– Ясно, – протянул Сергей, хотя никакой ясности абсолютно не было и даже не предвиделось: все запутано, и бедного Витьку остается лишь пожалеть.

– Ясно... – передразнил Майоров и легонько подтолкнул Серова к двери. – Еще не все тайны мадридского двора тебе известны. Пошли, ознакомлю с некоторыми достопримечательностями здешнего замка, пока прокурорские не вцепились.

Заинтригованный Сергей последовал за ним в другую комнату, где около окна темнел открытый люк хитроумно устроенного под паркетным полом тайника. Заглянув в него, Серов убедился: там пусто. Интересно, какие, как выражается Витька, «тайны мадридского двора» тут скрывались?

– Видал? – Майоров вконец помрачнел. – Просто дом с привидениями, мать его! Буквально шагу не ступить, чтобы не вляпаться в новое дерьмо. Что тут было?! Кто забрал – тот, кто унес записи с мониторов, или другой человек? Кто пристрелил Нинку и оставил незапертыми двери? Откуда взялся пропуск Зайденберга в тумбочке и кто такой этот Николаев? Где он сам, в конце концов?!

– Мне кажется, опустошил тайник, забрал кассеты и убил Лолу тот, кто искал здесь Зайденберга и его деньги. А вот нашел или нет?

Серов опустился на колени и осторожно отвернул край ковра. Виктор сразу подался вперед и тихонько присвистнул: вместе с куском оборванной тонкой золотой цепочки на полу лежал небольшой исламский медальон в виде полумесяца с прилепившейся к нему крохотной звездочкой, с малюсеньким зеленым камушком в середине...

Лева открыл глаза и с удивлением обнаружил, что находится не на своей кухне, а в совершенно незнакомой ему скудно обставленной комнате старого дома с высокими потолками и узким окном. Со стен свисали лохмотья обоев, на побелке потолка серо-зелеными узорами расплылись пятна давних протечек, но пол был еще ничего, из крепкого паркета.

Однако самое главное, что Зайденберг оказался прикованным надетым на правое запястье наручником к трубе батареи парового отопления – левый браслет замыкался на ней, как кольцо на проволоке, по которой на дачах всяких жлобов бегают сторожевые псины, оберегая сады и огороды.

В голове еще плавал хмельной туман, и из него обрывочными картинками появлялись неясные образы: на полу лежала Лолка в луже крови, Лева бежал, кто-то хватал его и он вырывался из последних сил, боднув нападавшего головой в лицо и разодрав ему рубаху на груди... Чертовщина, да и только! Ему же надо сейчас открыть другой тайник, взять денег и скорее мотать из города, пока лысоватый блондин с рысьими глазами и его команда вновь не сдапали за жабры. И тут страшная мысль заставила Зайденберга похолодеть: его обманули! Взяли деньги и, напоив вусмерть, перевезли в другое место, чтобы потребовать новый выкуп?

– Очнулся, шакал?

Лева с трудом повернул голову на голос. На стоявшем в углу покрытом клетчатым пледом продавленном диване сидел смуглый черноволосый мужчина с усами. С виду так, ничего

особенного, рубаха и джинсы, но на коленях у брюнета лежал автомат. От этого Зайденбергу стало не по себе.

Черноволосый встал, положил автомат на диван, подошел к пленнику и врезал ему ногой по ребрам, заставив бедного Лева выгнуться от боли.

– Собака! – зло прошипел усатый. – Зачем голова бил, скотын?! А? Одежда рвал, кусал сумасшедший!

Он схватил Зайденберга за волосы и заставил запрокинуть голову. Заглянул в его глаза и, увидев в них метавшийся страх, злорадно рассмеялся, показав крупные, прокуренные до желтизны зубы. От усатого пахло дешевой парфюмерией, прогорклым табачным перегаром и... смертью. Это Лева уже научился определять безошибочно.

Значит, слишком много он нагрешил, если ни один из богов не пожелал услышать его мольбы и принять деньги, даровав взамен спасение. Или боги не нуждаются в подачках, тем более ворованными долларами, а хотят от человека иных жертв во искупление зла, привнесенного им в мир?

В комнату заглянул еще один усатый брюнет, удивительно похожий на первого. Он о чем-то спросил приятеля на неизвестном Лева языке и весело заржал. Первый мучитель выпустил волосы Зайденберга, брезгливо вытер пальцы о джинсы и пошел к столу, где запищал мобильный телефон.

– Да, – ответил усатый. – Да, очнулся. Хорошо.

Он положил телефон на стол и вернулся к Лева. Тот ожидал, что его снова начнут бить, но брюнет присел перед ним на корточки и вкрадчиво спросил:

– Дэнги гдэ?

– Какие деньги? У меня ничего нет! Ничего! Я нищий!

– Э-э, зачем кричишь? – меланхолично пожал плечами брюнет. – Я нэ глухой. Хозяин звонил, скоро придет. Не будь осел упрямый, отдай дэнги.

– Нет у меня ничего, – и Зайденберг отвернулся. Что толку говорить с истуканом, который едва может объясняться по-русски, а уж про его интеллект и подумать страшно.

Интересно, кто его новые охранники: цыгане, азиаты или кавказцы? Скорее последнее, но какого они роду-племени неизвестно – для Лева все уроженцы Кавказа были на одно лицо, как негры или китайцы. Неужели их хозяин такой же тип и с ним не удастся найти общего языка? И сколько им нужно? Наверное, отрывочные видения, всплывавшие в памяти, – не алкогольный бред: Лева подвергся нападению этих людей в собственной квартире. Но как такое могло случиться и почему привиделась Лолка, валявшаяся на полу в луже крови? Неужели черные придурки прибили непутевую бабу и теперь в квартиру нельзя и нос сунуть, чтобы не оказаться в лапах ментов? Или окровавленная проститутка всего лишь кошмар? Как бы узнать?

Тем временем второй охранник принес Лева стакан сока и бутерброд. Есть не хотелось, но сок пленник выпил с жадностью и попросил еще. Дали, и он пил сколько хотел. Потом под конвоем водили в туалет, но планировку квартиры выяснить не удалось – скорее всего, это была старая коммуналка с множеством комнатушек и закоулков. Когда вернулся, у батареи уже положили тюфяк и занавесили окно. И еще одна маленькая радость: разрешили курить. Все это обнадеживало.

Вскоре появился и загадочный «хозяин». В комнате царил полумрак, и Зайденберг не мог разглядеть его лица, но заметил, что это молодой, довольно высокий мужчина. Он сел на стул около стола, на котором стояла лампа, и направил ее свет на пленника.

– Все как в дешевеньких детективах, – съязвил Лева, но «хозяин» в ответ лишь рассмеялся:

– Вы так полагаете, Лев Маркович? Зря! Могу согласиться, что происходящее в какой-то мере напоминает детектив, но вот что дешевый – ни в коей мере. Речь идет об очень крупной сумме и ставки соответственно высоки.

- А именно?
- Жизнь, например!
- Убьете? – решил прямо спросить пленник.
- Я вас умоляю! – в притворном изумлении всплеснул руками «хозяин». – Зачем же так?

Если не договоримся, у вас отнимут и жизнь и деньги другие люди, а не мы.

- Кто, позвольте узнать?

– Ознакомьтесь! – «хозяин» бросил пленнику плотный конверт. Открыв его, Зайденберг увидел несколько цветных фотографий, и кровь застыла в жилах, словно его внезапно окунули в ледяную прорубь.

Это монтаж, попытался убедить себя Лева, но сам же себе не поверил: какой монтаж, кто теперь станет заниматься такой фигней, впустую потратив время и деньг? Проще все выполнить в натуральном виде. Но если не монтаж, то что делать, как спасти хотя бы остатки денег и, главное, собственную жизнь? Мертвому деньги не нужны.

На фотографиях Зайденберг увидел лежащую на полу в луже крови Лолу – не зря, значит, ему чудился этот кошмар? – и самого себя, сидящего на стуле около заставленного бутылками стола.

– Эти фотографии очень дорого стоят, Лев Маркович! – как сквозь вату донеслись до пленника слова «хозяина». – Очень дорого! Как вы понимаете, если их отдать вместе с вами нашим доблестным блюстителям порядка, то они разберутся с «преступником и убийцей» по всей строгости закона.

Зайденберг закурил и прикинул: в квартиру теперь точно не сунешься! Наверняка эти гады сообщили ментам об убийстве, а если не сообщили, то по такой жаре труп Лолы скоро начнет разлагаться и пойдет ужасающая вонь. Тогда менты появятся сами. И вообще, страшно видеть на фотографии мертвое тело той, кто еще несколько суток назад дарил тебе свои ласки и тепло прекрасного тела. Мало ли что он намеревался сам застрелить ее, но ведь не сделал этого! Однако суть не в Лолке, суть в другом – «хозяин» правильно оценивает сложившуюся ситуацию и, следовательно, поведет речь о выкупе за те деньги, которые Зайденберг успел положить на счета в зарубежных банках! Что делать, что? Одни обобрали, другие тоже, третьи могут убить, а он прикован к трубе, безоружен и нет никаких документов. Если и сбежишь, то в кармане не найдется даже мелочи на метро.

- Надеюсь, вы понимаете? – прервал его мрачные размышления «хозяин».

– Понимаю, – вздохнул Лева и попросил: – Уберите свет, глазам больно. Мы можем поговорить и в полумраке.

А сам загадал: согласится или нет? Если да, то пиши пропало, а если нет, есть шанс выкрутиться. Почему? Да потому, что «хозяин» не захочет показать лицо, а тому, кого обрекли на заклятие, можно показывать все, что заблагорассудится.

- Потерпите, – усмехнулся «хозяин», и Лева тайком с облегчением перевел дух.

Хотя какое, к чертям, облегчение? Нашел себе верную примету, дурачок: они спокойно перережут горло, даже если ты никого не видел! Гарантия жизни – деньги!

– Ну, если вы все понимаете, то должны быть готовы заплатить за свою жизнь и свободу. Или, может быть, я ошибаюсь?

– Нет, почему же, – Зайденберг облизнул пересохшие губы. «Хозяин» щелкнул пальцами – один из охранников тут же подал пленнику стакан холодного сока. – Почему же, – повторил Лева, возвращая пустой стакан. – Вы не ошиблись, но хотелось бы знать, представляете ли вы мое истинное финансовое положение?

– Вполне, – заверил «хозяин». – Думаю, пять миллионов долларов вас окончательно не разорят. Если станете упрямыми, то придется выложить семь.

– Нечего выкладывать, – угрюмо проворчал Зайденберг. Почему все вымогатели до тошноты похожи друг на друга и ведут одни и те же разговоры? – Меня обманули и обокрали, когда

я собирался уехать за границу, а буквально вчера группа неизвестных уголовников заставила меня отдать последнее. Сожалею, господа, но вы немного опоздали!

– Ну, ну, не надо серчать, а тем более лгать. Денежки у вас, Лев Маркович, имеются, и вы их отдадите нам, если не хотите попасть в лапы российского правосудия и отдать все алчным государственным чиновникам. Нет, я понимаю, есть другой путь – в психушку, но там все до капли высосут врачи. Поверьте, они отлично умеют выкачивать деньги, а психушка не лучше тюрьмы, а то и похуже. Есть и третий путь: к пыткам и принуждению раскошелиться. Но самый лучший – первый.

– На ваш взгляд, – парировал Лева. – Предположим, у меня деньги в Швейцарии. Но это чисто умозрительное предположение! Только предположение, и не более того. Как я их возьму, сидя в этой вонючей дыре прикованным к батарее? Да еще не имея никаких документов, даже российского паспорта? Или вы полагаете, что я волшебник, маг и кудесник? Нет, вы ошиблись, я не волшебник и денег у меня нет!

Зайденберг закурил и устало прикрыл глаза. Интересно, что последует после его отказа? Начнут пытать, угрожать, морить голодом и мучить жаждой? Могут не давать спать, накормить каким-нибудь психотропным дерьмом, но все напрасно – чтобы взять деньги, пленника нужно вывезти за пределы страны: как ни вертись, а сам себя за задницу не укусишь!

Отдавать его ментам они тоже не будут: тогда точно прощай баксы! Пытать и мучить бесполезно, если не собираешься вывозить, а в квартиру они сами не пойдут – надо быть круглым идиотом, чтобы соваться на место убийства. Однако, если прикажут тупым брюнетам, пообещают им хорошо заплатить, то они полезут хоть к дьяволу в пасть.

Вопреки опасениям пленника, «хозяин» отнесся к его заявлению достаточно спокойно, можно даже сказать, равнодушно.

– Что же, воля ваша, – поднимаясь, процедил он. – Пока могу дать некоторое время на размышления. Подумайте, еще разок посмотрите на фотографии, взвесьте все «за» и «против», а потом вновь поговорим.

– Когда?

– Когда я сочту нужным.

– Но должен же я знать, сколько мне отпущено на размышления?

– Никто не знает, сколько нам отпущено вообще, – философски заметил «хозяин», погасил лампу и вышел из комнаты.

В первый момент после яркого света Лева ничего не видел, а когда проморгался, на диване валялся злой усач с автоматом...

«Хозяин» вышел в прихожую и приказал провожавшему его охраннику:

– Глаз не спускать! В туалет под конвоем и опять на цепь. Кормите как следует, ни в чем не отказывайте: захочет икры – дайте, пусть жрет. Главное – получить деньги! Пусть подумает, а я вскоре наведаюсь. Да, телефон не занимайте, держите его все время под рукой и в той комнате, где он сидит. Если вдруг захочет со мной говорить, то ждите звонка, а сами на связь не выходите. И из квартиры не высовывайтесь. Все понял?

– Да, да, – буркнул охранник и открыл массивную дверь. – Когда вас ждать?

– В любую минуту.

Спустившись по лестнице, «хозяин» вышел из парадного в грязный двор-колодец старого московского дома и свернул в подворотню-тоннель. Десяток шагов – и он очутился на залитой ярким солнечным светом оживленной улице центра столицы. Стараясь держаться в тенечке – уж больно припекало, – «хозяин» направился к ближайшей станции метро, заглядывая по дороге в разные бутики и супермаркеты, останавливаясь у киосков и витрин уличных павильонов. Кажется, за ним никто не увязался? Но лишний раз провериться не мешало.

В метро он успел вскочить в вагон, когда двери уже закрывались, но проехал всего одну остановку и поднялся наверх. Отыскав в длинном ряду припаркованных у края тротуара машин

светлую «мазду», он открыл дверцу, сел за руль и, влившись в транспортный поток, неожиданно свернул в тихие переулки, где начал кружить, словно отыскивая нужный номер дома. Несколько раз он разворачивался и ехал в обратном направлении, пока ему не наскучило это занятие. Тогда светлая «мазда» вырвалась на магистраль, и через четверть часа «хозяин» остановился у таксофона. Набрав номер и услышав ответ, он сказал:

– Я там был. Пока все нормально.

– Проверился?

– Как всегда. За мной чисто. Правда, меня немного беспокоит, что Ахмед неизвестно где потерял свой медальон. Помните, у него на шее болтался на цепочке полумесяц со звездочкой? Боюсь, не остался ли он в квартире?

– А ты не бойся, – коротко хохотнул собеседник. – Это несущественно. Обойдется и без своей цацки, нехристь!

– Как слышимость?

– Нормально, берет твой разговор даже в прихожей. Но главное, чтобы связь не прерывалась в час «икс».

– Я им приказал... – начал было «хозяин», но его прервали:

– Не сотрясай зря воздух, мы слышали. Пока, можешь отдыхать!

«Хозяин» повесил трубку, вытер потный лоб и ухо платком и подумал, что встроить радиомикрофон в стандартную телефонную трубку мобильной связи было неплохой идеей: оказывается, через него операторы слышали даже его разговор с охранником в прихожей. Стоит это учесть и не болтать лишнего при посещении квартиры.

Интересно, все запишут на пленку или так и просидят с наушниками до часа «икс»? Впрочем, не его ума это дело и нечего совать нос куда не следует: меньше знаешь – дольше живешь!

Опасность Фомич почуял сразу, как чует ее уже не раз травленный матерый зверь, с ходу влетевший в охотничью облаву: пусть он еще не уловил ноздрями запахи человека и железа, грозящие ему гибелью, не увидел страшных красных флажков, очертивших последний круг его жизни, но он точно чувствовал – они где-то здесь, рядом, и теперь спасение зависит от него самого, от его выдержки, умения, смелости и хитрости. Иначе собаки, злобно урча, начнут рвать его еще теплое, дымящееся мясо, поглощая вместе с плотью его прежние силу и бесстрашие...

У каждого человека, даже если он стучит ментовскому подполковнику на некоторых своих бывших дружков и подельников, все равно есть свои собственные дела, о которых никаким Сергеам Ивановичам знать не положено. Вот по таким делам сегодня и отправился Фомич. Он договорился встретиться на Таганке с одним приятелем – тот должен ждать его около рядов цветочников, расположившихся напротив входа в старое серое здание станции метро «Таганская-кольцевая». При встрече предполагалось тихомирно посидеть за пивком и обсудить возникшие проблемы, касающиеся добывания финансов, а при достижении договоренности отправиться вместе еще к одному приятелю, чтобы предложить ему войти в долю. Групповухи Власов не боялся, а проверить заманчивое дельце ему одному было просто не под силу.

Конечно, Фомич не был волком, но вся его жизнь, в особенности долгие годы, проведенные в зоне, развили в нем поистине уникальную способность реагировать на приближающуюся опасность.

Опасность он почуял в метро, по дороге на место встречи, и забеспокоился – в таком состоянии на стрелку лучше не ходить. Но кому за ним таскаться и кому качать права? Ментам он без надобности, поскольку там, как самый надежный щит, прикроет от любых невзгод и напастей драгоценный Сергей Ваныч: не будь только сам идиотом и не подставляйся по-глупому. Мужикам из безопасности Горелый – так прозвали когда-то Власова за ожог на левой

руке, полученный в раннем детстве, – тем более не интересен, потому что никаких государственных тайн или связей с границей у него нет. Даже любого госслужащего Фомич по блатной привычке предпочитал обходить за версту. Вот только Серова обойти не удалось.

Тогда остаются лишь свои, и они могли прийти по его душу в том случае, если где-то просочилось, что Горелый ссучился и стал стукачом. Но где и от кого могло просочиться? Не сам же подполковник на него бочку покатыл? Хотя, кто знает, он мужик неоднозначный и вполне мог решить расстаться с осведомителем, переставшим таскать ему каштаны из огня, именно таким простым и страшным образом: через собственные каналы связи с криминальным миром сдать его тем, на кого он стучит. У каждого настоящего сыщика таких каналов превеликое множество – одни сами собой отмирают, другие возникают, третьи на подходе, и все тихой сапой. Поэтому Фомич почувствовал себя весьма неудобно и немедленно попытался определить с максимальной точностью, откуда ждать неприятностей. Глупо допускать, что порвется лента эскалатора как раз тогда, когда он будет подниматься или спускаться, и огромные машины зажуют рухнувшую в пролом дико кричащую от ужаса толпу. Не стоило ждать лихого прорыва грунтовых вод или обрушивания сводов вестибюля, а вот того, что тебя спихнут с края платформы под поезд, чтобы разможило башку или убило током, побаиваться следовало.

Впрочем, кто может спихнуть с платформы? Только человек, особенно если он действует не один. Вот и надо выяснить, кто тут интересуется Власовым?

И Фомич завертелся ужом. Он выскакивал из вагонов, взбегал по ступенькам переходов с радиальных веток на кольцо и пересаживался обратно, неожиданно останавливался у книжных лотков или цветочниц, нырял в готовые закрыться двери отправляющегося поезда и переходил на станциях из вагона в вагон, а на долгих перегонах стриг глазами лица пассажиров, старательно выискивая тех, кто ему уже хоть раз сегодня попался на глаза, – память у Власова была, как говорят в народе, лошадиная. К тому же, как он вполне справедливо рассудил, кто бы ни затеял охоту за ним, много загонщиков не будет – не та сошка стукачок Фомич, чтобы устраивать на него царские облавы, да и жаден стал народец на деньги, а государство сильно обеднело. Поэтому рано или поздно он все равно вычислит тех, кто неведомым образом подал ему сигнал о своем присутствии, лишь подумав нехорошее, глядя в спину или затылок предполагаемой жертвы.

Изворачиваться и убегать Анатолий умел, но все равно примерно через час он понял: оторваться в метро, где всегда удавалось исчезнуть без следа, на сей раз вряд ли получится. Зато определились те, кто тянулся за ним, как нитка за иголкой.

Преследователей оказалось трое – крепкие мужики лет тридцати, ничем особенно не выделявшиеся в пестрой толпе пассажиров. Первый – среднего роста блондин в голубой джинсовой рубашке с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые руки, и в темных джинсах – не пойми как обычно оказывался всегда чуть впереди Фомича. Второй – жилистый малый в светлой «ла-косте» и брюках из кремовой плащовки – таскал целый ворох свернутых в трубку газет и, встав неподалеку от Анатолия в качающемся вагоне, разворачивал, словно фокусник перед детишками, то одну, то другую. Третий – с круглой добродушной физиономией и чуть приплюснутым боксерским носом – то возникал, то пропадал, то у него в руках появлялась сумка из пестрой болониевой ткани, то исчезала. Впрочем, радовало лишь одно: судя по экипировке, эти бойцы не имели при себе оружия. Хотя носят же кобуры с пистолетами и на ноге!

Встречу с приятелем, ждавшим на Таганке, озабоченный Власов решил пустить побоку: потом можно позвонить или встретиться и извиниться. Главное, чтобы была у тебя такая возможность в дальнейшем – встретиться или позвонить. Сейчас важнее уйти живым и невредимым, а потом разберемся, что к чему и почему. Четверо мужчин, словно связанных невидимой нитью, уже полтора часа мотались по разным веткам метрополитена, и один из них, страстно желавший избавиться от остальных, никак не мог этого добиться, а остальные никак не согла-

шались сдаться и в ответ на все новые и новые выверты беспокойного клиента молча находили контраргументы, заставлявшие того в отчаянии закусывать губу до крови.

Наконец, решив, что дальше так продолжаться не может и пора положить конец дурацким гонкам, Фомич выскочил из метро на «Курской». Этот район он знал хорошо, к тому же предприимчивые строители изрыли там все кротовыми ходами, а у вокзала всегда полно народу. Тут тебе электрички, тоннели, ведущие к перронам и в залы ожидания, камеры хранения с рядами металлических ячеек, буфеты, киоски, празднующаяся публика. И открытый путь в кварталы старой Москвы с ее кривыми переулочками и проходными дворами.

Очутившись на улице, Анатолий на секунду приостановился около дверей вестибюля «Курской-радиальной», сделал вид, что прикуривает, и бросил быстрый взгляд налево – туда, где у протянувшегося на добрых полторы сотни метров стеклянno-алюминиевого здания вокзала, между беленьких пластиковых павильонов скрывались входы в тоннели. И тут же наткнулся взглядом на уже успевшую опротиветь рожу малого в светлой «ла-косте». Ясно. В ту сторону хода нет! Придется по подземному переходу на другую сторону Садового кольца и дворами к Покровке или на бульвар, а там уж как Бог даст! По крайней мере есть надежда, что тут, на вольном воздухе да среди закоулков, проклятая тройца от него отвяжется. Должны же они, черт бы их побрал, когда-нибудь потерять его след?!

Власов быстрым шагом спустился в переход, поднялся наверх и сразу направился мимо ювелирного магазина и церковной лавки в глубь длинного проходного двора. Вернее, это был даже не один, а целая система сообщающихся между собой дворов и запутанных проулков, выводивших в Лялин и в Подсосенский переулки, а оттуда, через другие проходные дворы, к бульвару и дальше, к Солянке. Тот, кто слабо ориентировался в этом лабиринте, неизбежно должен отстать, потеряться среди строений, грязных мусорных баков и спортивных площадок, окруженных покосившимися обветшалыми заборами, проиграть во времени и упустить преследуемого. А Фомичу страстно хотелось, чтобы его упустили: кто знает, какова сегодня ставка на непонятных бегах, в которых он принужден участвовать? Вдруг цена ей ни много ни мало, а жизнь?

Скорее, скорее! Анатолий невольно убыстрял шаг. Закоулки хорошо, но недалеко есть прекрасный «сквозняк», как называют на жаргоне проходные подъезды. Этот был шедевром и не раз помогал Власову избежать нежелательных встреч, но пользовался он им очень редко и лишь в случаях крайней необходимости. Похоже, сегодня как раз такой случай.

В замечательном подъезде раньше располагались разные организации, а теперь их место заняли офисы фирм – по паре на этаж старинного дома, одно крыло которого выходило на Хохловку, а другое на бульвар. Выход во двор, скрытый от глаз не посвященных в таинства подъезда, был не самой главной его достопримечательностью. Великое достоинство заключалось в том, что, поднявшись на третий этаж и открыв скромно приткнувшуюся рядом с нишей лифта дверь, можно было попасть в галерею, выводившую в другой подъезд, а из него через черный ход выйти во двор, соответственно тоже проходной, быстренько очутиться в Колпачном переулке и оттуда, через Потаповский, вновь нырнуть в лабиринты старой Москвы. Тогда все эти любители газет и плосконосые только и увидят Толю Горелого! Адью!

Фомич метнулся за угол дома и побежал мимо детской площадки с избушкой на курьих ножках и деревянными гномами, охранявшими пыльную песочницу. Так, теперь еще раз за угол и в подворотню. Кажется, впереди никто не маячит и сзади тоже не слышно топота чужих ног, однако радоваться и праздновать удачу еще рано. Лучше на всякий случай свернуть в следующий проходной двор: так надежнее да и к спасительному «сквозняку» ближе.

Теперь скорее мимо автостоянки, на другую сторону бульвара и в подъезд, пока никто натужно не сопит в затылок. Используй преимущество на всю катушку, отрывайся так, чтобы больше на хвосте не висли.

«А если около дома начнут караулить? – мелькнула паническая мысль. – Ведь не в метро же они ко мне приклеились, а откуда могли вести, кроме как от дома?»

Хорошо, пусть так, но это обмозгуем потом: сейчас главное – оторваться!

Власов распахнул дверь и шмыгнул в прохладный полумрак подъезда. Перепрыгивая сразу через две ступеньки, помчался по лестнице вверх и тут внизу гулко хлопнула дверь. Анатолий не удержался и, свесившись через перила, посмотрел – кто вошел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.